

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЮБОВЬ

ЭМИЛИ ГИФФИН

«ОТ ЕЕ КНИГ НЕВОЗМОЖНО ОТОРВАТЬСЯ,
ЗА ГЕРОЕВ ПЕРЕЖИВАЕШЬ ВСЕМ СЕРДЦЕМ».

ЛОРЕН ВАЙСБЕРГЕР, АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ДЬЯВОЛ НОСИТ PRADA»

Вкус к жизни

Эмили Гиффин

Прежде всего любовь

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гиффин Э.

Прежде всего любовь / Э. Гиффин — «Издательство АСТ»,
2016 — (Вкус к жизни)

ISBN 978-5-17-112485-4

Страшная автомобильная авария оставила неизгладимый отпечаток на судьбах сестер Джози и Мередит Гарланд. Пятнадцать лет спустя обеим уже за тридцать и у них очень разные жизни. Джози учительница первого класса, одинока и отчаянно мечтает стать матерью. Она устала от бесполезных свиданий и принимает решение взять исполнение мечты в свои руки. Мередит образцовая дочь, идеальная жена и мама. Однако в последнее время она втайне задается вопросом: сама ли она выбрала такую жизнь или всегда лишь реализовывала чужие ожидания? У Джози и Мередит много претензий друг к другу, к тому же перед годовщиной семейной трагедии начинают всплывать болезненные тайны прошлого. На пути к пониманию и прощению обе сестры обнаруживают, что нуждаются друг в друге больше, чем им казалось, и что в поисках истинного счастья любовь всегда стоит на первом месте.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112485-4

© Гиффин Э., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Джози	10
Глава вторая. Мередит	14
Глава третья. Джози	19
Глава четвертая. Мередит	24
Глава пятая. Джози	32
Глава шестая. Мередит	36
Глава седьмая. Джози	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эмили Гиффин

Прежде всего любовь

Emily Giffin
FIRST COMES LOVE

Copyright © 2016 by Emily Giffin
© Нечаева И.А., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается ТК

Пролог

Когда Дэниел был совсем еще ребенком, он сказал матери, что время – очень загадочная штука. Если тебе хочется что-то как следует прочувствовать, оно сразу же пролетает мимо. А если очень нужно, чтобы что-то закончилось побыстрее, оно будет тянуться целую вечность. Элейн Гарланд записала эти слова в дневник, потому что для восьмилетки замечание было довольно тонким.

Впоследствии, перечитывая эту запись, она думала, что то же самое можно сказать и о воспоминаниях. Когда ты хочешь что-то забыть, то помнишь это ярко и зримо, а подробности того, что нужно запомнить, ускользнут от тебя, как сон на рассвете. Именно так теперь все и происходило, хотя они редко это обсуждали, по крайней мере, друг с другом. Прошло почти пятнадцать лет, и текли они сразу и быстро и медленно.

Это случилось на следующий день после двадцать пятого дня рождения Дэниела, за три дня до Рождества. Он одолел половину третьего курса медицинской школы в Йеле и вернулся домой на каникулы после семестра, посвященного клинической неврологии. С собой он пригласил свою девушку Софию, красавицу-британку из высшего общества, про которую однажды сказал, что никогда не встречал такой очаровательной женщины. Они встречались уже больше года, но она раньше никогда не приезжала в Атланту и не была знакома с его родителями и сестрами. Все очень волновались, мечтали с ней познакомиться и надеялись на встречу. Элейн тревожилась больше всех. Во-первых, она всегда тревожилась, а во-вторых, Дэниелу не слишком везло с девушками. Его школьная подруга была очень назойлива, а подруга из колледжа постоянно его контролировала.

Но через несколько мгновений после их появления Элейн расслабилась и сразу полюбила Софи. Роб назвал ее собственницей. Сам он был явно горд тем, что его сын учится на врача и к тому же закадрил такое шикарное создание. Сестры Дэниела тоже ее одобрили. Джози очаровали стиль и красота Софи, и она в открытую восхищалась дорогой европейской одеждой и обувью, а Мередит, которая часто упрекала сестру в поверхностности, полюбила Софи вопреки всему этому. Все они готовы были поклясться, что она хорошо влияет на Дэниела – а это о многом говорило. Ведь он был для семьи светом в окошке.

На следующее утро Софи заработала еще больше очков, настояв на том, чтобы Дэниел и Роб позавтракали вдвоем в «Ваффель-хаузе». В день рождения они всегда завтракали только вдвоем. Софи поцеловала Дэниела на прощание и закрыла за ним дверь, а потом помогла Элейн испечь шоколадный торт – еще одна традиция семьи Гарландов.

– Расскажите про Дэниела в детстве, – попросила она, неуклюже растирая масло. Она уже призналась, что совершенно бесполезна на кухне.

Элейн секунду подумала, а потом сказала, что он совершенно не изменился. Типичный первенец. Энергичный. Перфекционист. И при этом чувствительный и сентиментальный, добрый и немного странный.

– Хорошо еще, что он перерос свою раздражительность, – со смехом сказала она, – а больше ничего не изменилось.

– Он раньше часто злился? – спросила Софи.

Элейн кивнула и рассказала свою любимую историю о том, как Дэниел лупил по стене спальни деревянной битой из-за того, что Джози изрисовала его драгоценную карточку с Аароном Хэнком розовым мелком.

– Видела бы ты штукатурку на этой стене, – гордо сказала она.

– Подождите, это вы про ту карточку, которую он до сих пор носит в бумажнике? – уточнила Софи. Из-за акцента все, что она говорила, звучало очень серьезно.

– Именно, – подтвердила Элейн и рассказала о хоум-ране, который Дэниел выбил на следующий день после того случая. Потом он назначил карточку своим талисманом.

Вечером они все вместе отметили день рождения Дэниела в «Блю ридж гриль». Дэниел, истинный студент Лиги плюща, надел пиджак, серебряные запонки (подарок Софи) и блестящие черные лоферы с по-европейски длинным носком. На сдержанный наряд Роба все это совсем не походило. Выбравшись из машины на парковке, они поддразнивали друг друга: «Дэнни, и где ты это взял?..» – «А ты как дед старый...» – «Ты намазал на себя столько геля для волос, что на лошадь бы хватило...» – «Зато у меня есть волосы».

Элейн знала, что эти перепалки только подтверждают, насколько эти двое близки друг другу. На сердце у нее стало тепло. Они прошли к круглому столику у камина, который всегда заказывал Роб. Элейн не до конца понимала, что произошло, но ее сын стал мужчиной и почти стал врачом, первым в семье. Но дела шли хорошо не только у Дэниела. Она подумала, что, в общем, у них у всех все неплохо. Роб успешно работал и не выпил ни капли за последние три года. Их брак никто бы не назвал идеальным, но он был крепким. Джози и Мередит росли. Одна немного дичилась, а вторая казалась излишне мрачной, но обе были верны себе и своим желаниям. Одна училась на педагога, а вторая на актрису.

Беседа в тот вечер получилась оживленной и умной, говорили о событиях в мире. Воспоминания об 11 сентября были еще свежи. Шла война в Афганистане. Компания «Энрон» только что заявила о банкротстве, а Вайнону Райдер поймали на мелком воровстве. Были еще новости, которые интересовали только Дэниела и Софи: в Монголии только что зарегистрировали самое высокое атмосферное давление за весь период наблюдений, более тысячи гектопаскалей. Эта единица измерения ничего не говорила всем остальным, но они все равно запомнили ее на долгие годы.

– Ну ты и ботан, – заявила Джози брату, хотя втайне восхищалась его умом.

Она всегда полагалась на силу своей личности, но присутствие девушки вроде Софи заставило ее кое-что переосмыслить. Она поклялась в последний, пятый, год колледжа уделять больше внимания учебе.

Мередит тоже размышляла о жизни. Она была усердной и трудолюбивой, как и брат, но при этом оставалась одиночкой и часто ощущала пустоту, которую не могла толком ни понять, ни назвать. Этим вечером, глядя на брата с Софи, она подумала, что дело могло быть в любви. Что именно любви ей и не хватало.

После ужина они отправились домой и ели торт в столовой. Элейн вытащила из запасов хороший фарфор и серебро, Роб зажег двадцать пять свечей, они все спели песню – довольно фальшиво, если не считать чистого сопрано Софи, – и смотрели, как Дэниел на несколько секунд закрыл глаза и разом задул все свечи.

– Что ты загадал? – спросила Джози. Кто-нибудь всегда задает этот вопрос.

Дэниел, конечно, не ответил, только таинственно улыбнулся. Роб разрезал торт, и Дэниел открыл подарки: кожаный портфель от родителей, фланелевую пижаму от Джози, подарочный альбом о бейсболе от Мередит. Скоро все пошли спать. Элейн притворилась, что не слышала, как скрипнул пол в коридоре перед гостевой спальней.

Утром она проснулась рано, потому что дождь громко стучал по крыше, а Роб собирал вещи для короткой поездки в Мемфис – это был его последний шанс закончить дело мировым соглашением до конца года. Она встала сварить кофе и проводить его, потом сходила в спортзал со своими девочками. Все они мечтали сбросить по паре килограммов, прекрасно понимая, что после праздников этих килограммов будет уже не меньше трех. Потом они вернулись домой, приняли душ и остаток дня посвятили магазинам, пробкам, толпам в торговом центре на Ленокс-Сквер и мелким перебранкам.

Дома они оказались уже в сумерках. Дэниел как раз собирался отвезти Софи в аэропорт, к ночному рейсу в Лондон. Дождь наконец-то кончился, но сильно похолодало, поэтому, обни-

маясь, целуясь и желая друг другу счастливого Рождества, все дрожали. Сев в машину, Софи еще раз всех поблагодарила.

– До скорого, – сказала Элейн, потому что ненавидела прощаться.

Через час, когда Элейн заворачивала подарки на кухонном столе, Дэниел распахнул дверь, впустив в кухню клуб холодного воздуха и легкий запах духов Софи. Элейн быстро прикрыла упаковочной бумагой тапочки, которые собиралась подарить ему, и велела не подглядывать.

– Не буду, – Дэниел покачал головой.

Он никогда не подглядывал, в отличие от сестер, которые всегда гордились своей способностью находить спрятанные подарки заранее.

Он сел за стол и тоскливо вздохнул – очевидно, он уже скучал по Софи.

– А где девочки? – так он всегда называл Джози и Мередит.

– Мередит у себя в комнате, Джози ушла куда-то.

Он кивнул и помог ей с упаковкой – отрезал куски скотча, придерживал ленточку на месте, пока она делала бантик. Обычно он не очень много разговаривал, но сегодня его просто прорвало, и он постоянно восторгался Софи. Он уверял, что они настроены очень серьезно и собираются проходить резидентуру по хирургии вместе.

– Ты думаешь, она и есть та единственная? – спросила Элейн.

– Да, – глаза у него вспыхнули. – Она удивительная. Я не могу представить лучшей матери для своих детей.

Элейн улыбнулась сыну, думая, что он еще совсем юн и честолобив, но уже понял, что в жизни важнее всего. Интересно, есть в этом их с Робом вклад? Или он просто таким родился? Потом решила, что верно и то и другое, и поцеловала Дэниела в лоб. Потом он пошел в душ.

По дороге в свою комнату он прошел мимо открытой двери Мередит. Она выглянула наружу и спросила, может ли взять его диск Мэйси Грэй. Он принес ей диск и попросил не поцарапать случайно.

– Я же не Джози. Я ничего не порчу.

Она знала, что ведет себя слишком мрачно, но ничего не могла с этим поделать. Наверное, все дело в ПМС. Или в погоде. Или в мерзком поведении старшей сестры, которая ее рассердила, а потом ушла из дома в слишком тесных джинсах и слишком маленьком топике.

– Ты в порядке? – спросил Дэниел.

– Ты о чем?

– Какая-то ты грустная.

– Просто у меня лицо такое.

Он присел на край ее кровати и задал еще несколько вопросов о курсах актерского мастерства и о мальчиках. На мгновение ей захотелось рассказать ему, как одиноко ей было совсем недавно, но потом она передумала. Тогда он ушел в душ. Ей сразу стало стыдно, потому что она не сказала ничего хорошего о Софи. Надо сделать это завтра. Вообще надо лучше вести себя с людьми. Она закрыла глаза, слушая, как Мэйси Грэй поет: «Я верю, что судьба привела нас сюда».

Через час, после очень долгого горячего душа, Дэниел вернулся в кухню. Мать все еще повязывала ленточки на банки с домашними сырными палочками, которые всегда дарила соседям.

– Съезжу за бургером, – сказал он.

– С мокрой головой? – нахмурилась она. – Простудишься же.

Он взял с крючка у двери шапочку с логотипом Йеля и зеленый клетчатый шарф, надел и то и другое. Она удовлетворенно кивнула и снова перевела взгляд на огромный красный бант.

– Скоро вернусь, – сказал он, открывая дверь.

– Ага, – отозвалась она, не поднимая головы. Она не знала, что это последние слова, которые она скажет сыну.

На похоронах Дэниела Роб говорил об этих последних днях. О том, каким хорошим сыном был Дэниел, как любил семью, друзей и Софи. Как они с Эйлин гордились его достижениями, но еще сильнее – его характером и добротой.

– За все свои двадцать пять лет он ни разу нас не расстроил, – сказал Роб дрожащим голосом. Он то и дело делал болезненно длинные паузы, пытаясь собраться. – Ни разу.

Потом Элейн не раз задавалась вопросом о том, сколько людей в церкви сочли, что ее муж преувеличивает. Разумеется, отец должен был говорить о покойном сыне громкие слова. Разумеется, он должен был представить своего ребенка уникальным и невероятным. Но Дэниел на самом деле был уникален и порой ей, против всякой логики, казалось, что именно это и стало причиной трагедии. Что если бы Дэниел был глубоко порочен или хотя бы больше походил на обычного, безрассудного и ни о чем не думающего, двадцатилетнего парня – напивался бы изредка или занимался мимолетным сексом с девушками, имен которых не запоминал, – он был бы еще жив. Но он, золотой мальчик, был слишком хорош для этого мира.

Иногда она спрашивала себя: устроила бы ее такая ситуация? Один из бесконечных вопросов жестокой и бессмысленной игры в «А что, если?»

А что, если бы Дэниел не пошел за бургером? Если бы она поджарила ему яичницу вместо этого? Если бы она задержала его, поправляя оливково-зеленый шарф на шее, чтобы он свисал на одинаковую длину с обеих сторон? Если бы она просто подошла к нему, поцеловала в небритую щеку, сказала бы что-нибудь... Что угодно, кроме «ага».

Она знала ответы. Она знала, что, если бы это случилось, Дэниел бы не столкнулся с «Денали», которую занесло на обледеневшем перекрестке Мурс-Милл и Нортсайд, всего в двух милях от дома. Она никогда бы не увидела седого вежливого полицейского, который появился у них на пороге примерно через тридцать минут, и на лужайке перед домом не было бы красных и синих пятен света от патрульной машины. Она не стала бы названивать Робу, яростно тыкая в кнопки, пока он наконец не ответил бы из аэропорта в Мемфисе. Ей не пришлось бы произносить эти слова вслух, будить Мередит, повторять известие снова. Она не искала бы Джози, не ехала бы в больницу Грейди с одним из своих троих детей, молясь об ошибке, о том, чтобы это оказался кто угодно, кроме Дэниела. У нее не осталось бы кошмарных воспоминаний о муже, ныне бывшем, приехавшем в тот же вечер, бросившемся на тело сына и с плачем повторявшем его имя снова и снова.

В той альтернативной вселенной, которую она напрасно себе представляла, Дэниел был бы счастливо женат на Софи, стал бы отцом двоих или троих детей. Работал бы врачом, возможно, прямо в Атланте, занимался бы настоящим делом, спасал бы жизни. В конце этого года ему бы исполнилось сорок, он стал бы мудрее и старше. Он понимал бы, что важнее всего семья. Что любовь прежде всего.

Они пытались напоминать себе об этом. О том, кем был Дэниел и чего он хотел для них. Иногда они даже принимали решения, думая о нем, или представляли, как он смотрит на них с небес. Но это не умаляло ни боли, ни чувства вины. Даже теперь, почти пятнадцать лет спустя, они чувствовали, что его нет, и понимали, что это никогда не изменится. Что они вечно будут сожалеть и думать о том, что было бы, если...

Глава первая. Джози

Первый день учебного года. Символическая дата. Свежий старт. Новые надежды. По крайней мере, так я себе говорю, стоя перед своей опрятной и внимательной аудиторией из десяти мальчиков и одиннадцати девочек, наряженная в свои лучшие шмотки от «Джей крю» – золотые балетки, серые штаны, розовый свитер с пайетками. Дети сидят на плетеном коврике, скрестив ноги. Кто-то улыбается мне в ответ, кто-то просто молча смотрит пустыми глазами. В этом прелесть первоклашек. Они бесхитростны и пока еще не устали.

Весьма вероятно, они успели услышать, что выиграли в грандиозной, таинственной учительской лотерее, задолго до того, как вошли в мой класс, где их встретил вырезанный из цветной бумаги клен. На ветках сидит двадцать одна синяя птица, по одной на каждого ученика, а сверху свисает знамя с надписью «Добро пожаловать в гнездо мисс Джози!». Я четырнадцать лет преподаю в начальной школе и заслужила репутацию веселой, энергичной и креативной. Меня не считают ни строгой училкой, ни тряпкой. Иногда меня называют «хорошенькой учительницей», и некоторые родители (не только папы, но и мамы) ценят это не меньше других моих достоинств, включая интеллект. Это меня всегда смущает и беспокоит. Ну, то есть, я знаю, что не квантовую физику преподаю, но я же даю детям важнейшие для выживания навыки. Учю их складывать и вычитать, определять время по часам, считать деньги и, между прочим, читать. Открывать тайну, скрытую сочетаниями гласных и согласных, соединенных вместе в слова, склеенных в предложения, покрывающих страницы книг... иногда даже без картинок. Кому-то это все может показаться Днем сурка... в том числе некоторым моим коллегам, которым надо бы сменить сферу деятельности. Но я искренне люблю то, чем занимаюсь, и каждый год с восторгом смотрю, как дети чему-то учатся.

Кроме предвкушения, я всегда испытываю грусть, потому что лето кончилось. И еще сомневаюсь в себе и нервничаю. Так всегда бывало в первые дни в школе, и пока я там училась, и теперь, когда работаю. Я представляю себе все, что ждет меня впереди, прикидываю, у скольких учеников окажется СДВГ, дислексия или другие обычные проблемы с учебой. Кто из них испугается и опустит руки, отстав от сверстников? У кого окажутся вечно недовольные родители, которые будут мне постоянно звонить и писать, предлагать внести в расписание какие-нибудь идиотские изменения или указывать на грамматические ошибки в моих письмах, маскируя все это под конструктивную критику? (Сколько бы раз я ни вычитывала все тексты, в середине года я обязательно пропущу букву или поставлю апостроф не там, а для учителя это совершенно недопустимо, не то что для врача или юриста).

Существует еще тревожный фактор в лице Эди Карлайл, дочери моего бывшего, Уилла Карлайла. Мы с Уиллом расстались сто лет назад (точнее, восемь), но у меня до сих пор не все чувства к нему отгорели. И я просто не могу поверить, что его старшая дочь попала в мой класс. Я очень постаралась это забыть, начиная свою речь, вариацию которой я произношу каждый год.

Здравствуйте, мальчики и девочки! Меня зовут мисс Джози. Я родилась в Атланте и закончила университет Джорджии. Давайте дружить! Я люблю животных и даже взяла из приюта пса по имени Ревис, у меня есть сестра и очаровательная четырехлетняя племянница по имени Харпер. Мой любимый цвет – ярко-розовый, как мой свитер. В свободное время я занимаюсь плаванием, читаю книги, пеку печенье, хожу на танцы и играю в настольные игры. Я умею хранить секреты, и я отличный друг. Надеюсь, мы с вами по-настоящему подружимся. Я очень хочу поскорее узнать вас. Мне очень повезло, что вы мои ученики!

В общем, неплохо. Жизнерадостно и многословно, хотя у меня в голове при этом вечно звучат комментарии. Примерно такие:

Когда я говорю «мисс Джози», мне кажется, что это неплохое имя для стриптизерши. Когда я училась в колледже, я даже думала подработать стриптизом одно лето, потому что за это платили в сто раз больше, чем официантке. И чем учительнице, чего уж там. У меня есть собака и сестра по имени Мередит. Она сводит меня с ума, и я бы с ней никогда не общалась, если бы не племянница Харпер. Когда-то у меня был старший брат, но он погиб в автокатастрофе много лет назад, и я не люблю об этом говорить, особенно с учениками. Любимый цвет – это какая-то ерунда, которая ничего не говорит о человеке (и цвет чего – машины? сумочки? стен в спальне?), но по какой-то необъяснимой причине вам всем это очень важно, поэтому я выбираю ярко-розовый. Примерно половине из вас это очень понравится, а как минимум треть впадет в экстаз из-за того, что это и ваши любимый цвет тоже. Плавание – никакое не хобби, просто я пытаюсь как-то избавиться от жира, наросшего вокруг талии (наверняка из-за печенья, которое я пеку). Это не принято замечать и тем более осуждать. Я правда люблю настольные игры, но еще больше люблю выпивать с друзьями и ходить с ними танцевать (я же говорила, что семь кило назад могла бы стать стриптизершей?). Я умею хранить секреты, особенно свои, и это отлично, потому что если бы ваши родители узнали мою подноготную, они бы подписали петицию о моем увольнении. Дружба для меня все, потому что мне тридцать семь и я не могу найти нормального мужчину и выйти за него замуж, и это ужасно. Потому что я не хочу быть одна и потому что я обожаю детей больше всего на свете. Я знаю, что мне осталось недолго, и скоро я уже не смогу родить сама. Пожалуйста, ведите себя прилично в этом году, потому что единственное, чего я не выношу, – это мерзкие детские проделки. К счастью, ранние следующего года вы вряд ли до этого додумаетесь, и именно поэтому я предпочитаю первоклашек. Я очень хочу поскорее узнать вас, особенно тебя, Эди Карлайл. Твой папа говорил, что бросил меня как раз перед тем, как женился на твоей маме и завел тебя? Я очень постараюсь не быть предвзятой, но, пожалуйста, прояви милосердие и воздержись от рассказов о счастливой семейной жизни.

Я улыбаюсь сияющим детям и спрашиваю:

– Ну что? Есть вопросы?

В воздух взлетают четыре руки, и пока я прикидываю, кто из них, скорее всего, задаст неприятный вопрос, вертлявый лохматый мальчик с румяными щеками выпаливает:

– А у вас есть муж?

Три секунды. Новый рекорд. «Поздравляю, Уэсли», – думаю я, глядя на бейджик с именем. Над этими бейджиками я трудилась все выходные. Надо добавить в программу еще одну тему. Объяснить, что отсутствие кольца на безымянном пальце левой руки означает «пожалуйста, не задавайте вопросов о браке». Может быть, я сумею втиснуть эту тему где-то между уроком про облака и объяснением метрической системы.

Я заставляю себя улыбнуться и проигнорировать комок в груди.

– Нет, Уэсли. Я не замужем. Может быть, попозже. И не забывайте поднимать руки, прежде чем задавать вопросы. Вот так, – я поднимаю руку, – договорились?

Уэсли с энтузиазмом кивает, пока я уверяю себя, что Эди, конечно, ничего не знает о моих отношениях с ее отцом. В конце концов, любая известная ей информация о романтическом прошлом отца может бросить тень на образ идеальной матери. А я уверена, что Андреа Карлайл обладает здравым смыслом, в придачу к безупречному вкусу. (Это я выяснила, разглядывая ее страницу на «Пинтерест». Выпечка без глютена! Выкройки костюмов для хеллоуина! Послеродовые тренировки вместе с ребенком! В каких тонах отделать спальню!) Слава богу, свои профили в «Инстаграме» и на «Фейсбуке» она закрыла.

Как будто услышав мои мысли, Эди поднимает руку как можно выше. Локоть под прямым углом, пальцы сжаты. Она задерживает дыхание и смотрит на меня огромными голубыми глазами. Примерно так смотрит Свимми, когда я стучу по аквариуму. Я смотрю мимо нее,

хотя она сидит в центре в первом ряду, и отвечаю на вопрос из задней части класса – про мою любимую еду (пицца, к сожалению) и второй мой любимый цвет (какая скука, а!).

– Не знаю даже. Может быть, голубой. Или зеленый. Или оранжевый. Оранжевый мне нравится, – размышляю я, украдкой изучая Эди и выискивая в ней сходство с Уиллом.

У нее такая же оливковая кожа и такой же рот (нижняя губа гораздо пухлее верхней), но остальные черты достались ей от матери, которая постоянно появляется на страницах «Атлантца». То она прижимается к Уиллу, то позирует, держа руку на талии и отставив локоть, в компании своих разодетых подружек.

Я всего один раз видела ее лично, около четырех лет назад. Она шла по центральному проходу в «Хоул фудс», толкая перед собой эргономичную и красивую коляску с драгоценной доченькой, наряженной в комбинезончик от Лилли Пулитцер (уже тогда я знала, хотя жила совсем не в Бакхеде, что ребенка зовут Эди, сокращенно от Эден, девичьей фамилии Андреа). На ней был черный спортивный костюм от Луллемон и шлепанцы, и выглядела она шикарно. Кожа у нее светилась после недавней тренировки или посещения косметолога (или того и другого), ноги у нее были длинные и крепкие, густые волнистые волосы выбивались из-под бейсболки. Я следила за ней несколько минут, мучая себя ее уверенным видом, грациозной походкой и манерой задумчиво изучать этикетки, рассказывая о них дочери. Я ненавидела себя за то, что меня зачаровывало каждое ее движение, и мне даже стало стыдно, когда я взяла с полки оливковое масло с трюфелями, такое же, как она. Как будто один очень дорогой продукт мог приблизить меня к ее жизни, о которой я так мечтала.

С того дня мало что изменилось, разве что у Эди появился маленький братик по имени Оуэн (потом я подсчитала, что во время нашей встречи Андреа была уже недель пять как беременна). И теперь я пялюсь на Эди, которая поднимает руку, демонстрируя, что она ничуть не менее упорна, чем мать.

Напомнив себе, что Эди не виновата в том, что ее отец меня бросил, и в том, что я не знаю, что делать с трюфельным маслом, и даже в том, что я не могу позволить себе покупать продукты в «Хоул фудс», я заставляю себя ей ответить:

– Да? Эди?

– Ну, – говорит она, отводя взгляд и роняя руку на стол, – эээ... я забыла, что хотела спросить.

– Ничего страшного. Подумай, – улыбаюсь я, изображая воплощенное терпение. Главная моя добродетель в эти дни.

Личико ее сияет.

– Ой! Вспомнила! А у вас есть бойфренд? – спрашивает Эди, щедро посыпая солью мои раны.

Я смотрю на нее в приступе паранойи и мгновенно принимаю решение соврать.

– Да. Да, у меня есть бойфренд, – объявляю я, задрав подбородок и сцепив ладони, – и я его очень люблю!

– И как его зовут? – наносит Эди ответный удар.

– Джек, – отвечаю я.

Это мое самое любимое мужское имя с тех пор, как я посмотрела «Титаник». А еще я обожаю все, что связано с Кеннеди. Хотя, конечно, предпочитаю парадную вашингтонскую версию, а не ту неприглядную историю с Мэрилин Монро.

– А фамилия? – давит Эди.

– Принс. Джек Принс, – твердо говорю я и грустно добавляю, – к сожалению, Джек не из Атланты.

– А где он живет? – спрашивает девочка по имени Фиона.

У нее безжалостно короткая челка, которая топорщится хохолком. На голове красуется огромный бант, плохо сочетающийся с неудачной стрижкой.

– В Африке. В Кении. Он врач в Корпусе мира. Работает в лагере для беженцев.

Ложь во спасение. Именно так я и думаю. «Вот тебе, Эди. Твой папочка занимается управлением состояниями, то есть играет в гольф со своими дружками, швыряя по сторонам деньгами, которые никто из них не заработал».

– А Джек когда-нибудь видел льва? – спрашивает крошечный мальчик по имени Фредерик. Говорит он очень тихо, зато очень правильно. Мне вдруг становится жаль маленького Фредди. Очевидно, он и станет моим любимчиком (что бы вы ни слышали от других, любимчики есть у всех учителей).

– Я не уверена, Фредерик. Спрошу, когда мы будем болтать по скайпу... То есть сегодня... И расскажу вам завтра.

Иногда ответить на вопрос про льва гораздо сложнее, чем соорудить целый трансконтинентальный роман.

Дальше сыплются вопросы о том, встречался ли Джек с тиграми, аллигаторами, бегемотами и обезьянами. Первоклашки обожают подобные разговоры. Я тоже, но чувствую, что пора прекратить разговор о своем добросердечном бойфренде, взять ситуацию под контроль и начать работать.

Остаток дня проходит довольно спокойно. Я запоминаю имена учеников и пытаюсь понять, что они из себя представляют. Я даже не думаю об Уилле, пока у Эди не выпадает левый передний зуб. Конечно же, на обед ей дали морковку и хумус. Нижнего правого зуба у нее уже нет, но тем не менее, когда одноклассники окружают ее, чтобы изучить окровавленное сокровище, она ликует, как в первый раз. Я как ветеран борьбы с выпавшими зубами – мне приходилось и выдергивать их, и хранить, и все на свете – помогаю ей промыть рот, потом мою крошечный зубик и кладу его в пакетик. У меня в столе всегда есть пакетики на такой случай. Потом я вынимаю из другого ящика розовый стикер, пишу на нем «Зубной фее», рисую сердечко и вкладываю бумажку в пакетик вместе с зубом.

– Как думаешь, что она тебе принесет? – спрашиваю я, глядя на пухлое сердечко.

Потом смотрю в ясные глазки Эди.

– То же самое, что и за этот, – Эди тыкает пальцем себе в рот и ощупывает языком дырку. Голос у нее низкий и хриловатый. Когда-нибудь он будет сводить парней с ума.

– И что же это было? – спрашиваю я, думая о голосе ее матери.

Я понимаю, что буду собирать информацию о ней весь год. Я уже задала несколько вопросов о ее брате, узнала, что дома Оуэна зовут просто «О», что его спальня отделана самолетами и что его постоянно наказывают.

– Она принесла мне монетку в один доллар, – отвечает Эди, и мне снова делается больно.

К тому же выходит, что я не могу назвать Уилла и Андреа слишком уж щедрыми родителями, а это обидно. Большинство Зубных фей в Бакленде страшно расточительны, но доллар – отличная сумма, а монетку куда приятнее получить, чем мятую банкноту. Черт.

Протягивая пакетик Эди, я успеваю пожалеть о нарисованном сердечке. Вдруг родители вычитают из этого что-то лишнее? Но переделывать слишком поздно. Эди уже схватила пакетик, гордо улыбаясь. Она марширует к своему месту и прячет сокровище в карман розового рюкзака с бабочками и монограммой. Я говорю себе, что ничего страшного не сделала, что Андреа и Уилл наверняка слишком заняты и слишком довольны собой, чтобы обращать внимание на такие мелочи. И вообще, я хороший учитель и хороший человек. Миленькая Эди заслуживает сердечка, даже если ее отец разбил сердце мне.

Глава вторая. Мередит

– Отвратительный день, – заявляет Джози, вваливаясь ко мне на кухню и нарушая редкий момент тишины.

Это четверг, мой единственный выходной на неделе, и я только что усадила Харпер перед телевизором и собираюсь ответить на почту. Другими словами, я совершенно не нуждаюсь в компании, и если бы моя сестренка, например, позвонила заранее, я бы ей это сказала.

– Привет, Кимми, – бросаю я через плечо, намекая на мерзкую соседку из «Полного дома», которая регулярно врывается в дом Таннера без стука.

Джози, которая до сих пор пересматривает этот сериал, – сразу видно, что она уже взрослая, – смеется и говорит:

– Ты правда думаешь, что я буду звонить в дверь дома, в котором выросла?

Я подавляю желание сказать: «Конечно, потому что это больше не твой дом, мы с Ноламом его честно купили», – или заметить, что нам с мужем нужно уединение и вообще мы могли заниматься сексом в холле. Теоретически. Вместо этого я решаю не связываться и не отвечаю на вопрос, а продолжаю проверять письма.

– Реально хреновый, – добавляет Джози, нависая надо мной.

– Что случилось? – спрашиваю я, вспоминая, что сегодня первый день учебы.

Наверняка она расскажет про Уилла, или его жену, или их дочь, которая попала в класс Джози. Она только об этом и говорит, с тех пор как получила списки учеников, и делает вид, что ее мучает ситуация, которая на самом деле ее несказанно радует, я точно знаю. Джози необходима драма с участием ее мужчин, пусть даже бывших.

– С чего бы начать? – вздыхает она, наваливаясь на стол. Я замечаю ее потертые золотые туфли и напоминаю, что в доме мы ходим без обуви.

– Брось, Мер, – говорит она, как будто это происходит первый раз, – я же не ходила по навозу. Ты бы лекарства, что ли, принимала от ОКР. Я слышала, золотф отлично помогает.

Она что, узнала, что я принимаю золотф? Она вполне могла покопаться в моей аптечке. Я перебиваю ее.

– Ты явно могла случайно наступить во что-нибудь, чего я точно не хочу видеть в комнате, где ем. И вообще, это мой дом и мои правила. Так что...

Она смотрит на меня, а потом яростно скидывает туфли, так что одна туфля оказывается у меня под стулом.

– Между прочим, я читала статью про этикет, и там написано, что не слишком тактично приглашать людей в дом и требовать, чтобы они сняли что-то, кроме верхней одежды, – говорит Джози, пальцами изображая в воздухе кавычки. Я представляю, как она ищет в интернете ответ и запоминает только то, что ей годится, игнорируя все остальные мнения. Например те статьи, где написано, что носить уличную обувь дома крайне негигиенично.

– Я не «приглашала тебя в дом», между прочим, – отвечаю я, тоже изображая кавычки.

Я знаю, что, с вероятностью пятьдесят процентов, она убежит из моего дома, и это меня вполне устраивает. Но Джози чувствительна только тогда, когда ей это удобно, и ей явно нужно немного бесплатной терапии, поэтому она пожимает плечами и оставляет за собой последнее слово:

– У меня наверняка грибок, и не говори, что я тебя не предупреждала.

– Переживу, – говорю я и перехожу к сути дела, – и что случилось? Ребенок Уилла?

– Ее зовут Эди. Сокращенно от Эден. Девичья фамилия Андреа, – говорит она, делает эффектную паузу и босиком идет к холодильнику, – мне, конечно, очень хочется сказать тебе, что она мерзкая сучка, но... она мне понравилась. Она очень милая, красивая и умная.

– Прекрасно, – говорю я.

– Прекрасно? В каком месте? Это ужасно! Она постоянно будет напоминать мне о том, чего у меня нет, – она выуживает с нижней полки бутылку пива, приготовленную для Нолана, и делает глоток, – и уж конечно миссис Уилл Карлайл захочет вступить в родительский комитет. Вот увидишь.

– Ты же учительница. Выбери родительский комитет сама, – предлагаю я, одновременно отвечая «нет» на приглашение на жуткий день рождения в одном из этих ужасных игровых центров, где проще заполучить сотрясение мозга или чесотку, чем повеселиться.

– В конечном итоге. Но все равно нужны волонтеры. Мамашки, которые поставят галочку в анкете. Так что, если желающих кроме нее не будет... – Джози вздыхает и не заканчивает предложение.

– Прежде всего, желающих будет человек пять, не меньше, – говорю я, думая о горящих энтузиазмом матерях в саду Харпер, – а если и нет, то можешь предложить это другой матери и надеяться, что Андреа ничего не узнает.

Хотя Джози уверяет, что учитель – одна из самых выматывающих эмоционально, физически и душевно профессий, мне постоянно кажется, что я что-то упускаю. Ее профессия вовсе не кажется мне такой уж сложной, особенно по сравнению с вечными интригами и давлением, которые царят в моей юридической фирме. Это я еще молчу про десять недель отпуска в году.

– Конечно, это до нее дойдет. Такие вещи всегда все узнают.

Я киваю. Тут она права. Матери всегда разговаривают. Честно говоря, если только жена Уилла не тактична сверх меры или не отказалась от любой информации о прошлом мужа, половина матерей уже наверняка в курсе сплетен об учительнице своего ребенка.

– А я тебе говорила, что нужно вмешаться, – я вспоминаю, как несколько недель назад продумывала ее разговор с директором и утверждала, что она должна потребовать перевода девочки в другой класс из-за «личных обстоятельств».

– К моменту появления списков класса было уже слишком поздно. Родители уже все знали.

– И? – спрашиваю я.

– И они узнали бы, что я попросила перевести Эди.

– И?

Джози смотрит на меня и отпивает пива.

– И то, что противоположность любви – равнодушие. А перевод ребенка в другой класс говорит, что мне не все равно.

– Как и то, что ты следишь за ней в соцсетях, – рискую сказать я, – но это тебя не останавливает.

Джози скалится, явно считая stalking признаком особой доблести.

– Я много лет не следила за Уиллом. Пока не узнала новости. И вообще, я только проехала мимо их дома... какой же это stalking. Я просто хотела посмотреть, где они живут.

– Ага, – говорю я, думая, что Уилл с женой вряд ли сочли бы такое поведение безобидным. Скорее странным и неприятным.

– Я тебе говорила, какая у нее машина? – радостно спрашивает Джози.

– Ты упоминала минивэн, – говорю я, – может быть, это вообще его машина.

– Нет. У нее на бампере наклейка из колледжа Чарльстона. Ее колледж. Ее машина. Пристрели меня, если я сяду за руль минивэна.

– Ты забыла, что у меня тоже минивэн? – спрашиваю я, не понимая, намеренно ли она меня оскорбляет или у нее это выходит само собой.

– Разве ж об этом забудешь. Но я не хотела тебя обидеть. Мы же с тобой совсем разные.

– Да уж, – я удивляюсь, что у нас общие родители и нас воспитывали вместе.

Но потом я думаю, что она единственный человек в мире, с которым у меня общие гены и было общее детство. Я смотрю на часы – без десяти шесть, – я всегда так делаю, когда вспо-

минаю брата. Довольно долго я начинала день с мыслей о Дэниеле. Я думала о нем, не успев открыть глаза и оторвать голову от подушки. Теперь, когда прошло столько лет, я иногда держусь до самого полудня или даже позже. Но я все равно не знаю, говорит ли это о прогрессе или о чувстве вины. Чтобы избавиться от этого чувства, я кашляю и говорю:

– Спорим, Дэниел бы тоже водил минивэн?

Лицо Джози темнеет, как всегда бывает при упоминании Дэниела. Потом она трясет головой и отвечает:

– Конечно нет. Хирурги не водят минивэны.

– Практикующие хирурги с маленькими детьми еще как водят, – отвечаю я, думая, что в мире нет ничего приятнее крошечной кнопки, которая автоматически открывает дверь, прежде чем отстегнуть ремень безопасности, удерживающий беспомощного отпрыска.

– Практикующие хирурги с маленькими детьми и хорошим вкусом – нет, – говорит она.

– Спасибо, – мрачно отвечаю я.

– Да пожалуйста, – улыбается она, подтверждая мои подозрения. Она наверняка обожает конфликты. Особенно со мной.

Я решаю рискнуть:

– Кстати, о Дэниеле. Вчера звонила мама...

– А что, мама теперь вместо Дэниела?

– Можно мне закончить?

Она пожимает плечами и поправляет меня, как свою ученицу:

– Да, ты можешь закончить.

– Она говорила о пятнадцатилетней годовщине, – начинаю я, тщательно подбирая слова и злясь за это на себя. Если бы я могла изменить в Джози только одну вещь – хотя я бы предпочла изменить многое, – я бы изменила ее отношение к смерти Дэниела. Глухую стену, которую она выстроила вокруг него и памяти о нем. Так же, как наш отец.

– Годовщина? – говорит она, берет пиво и снова ставит на стол, не отпив. – Вряд ли это можно назвать годовщиной.

– Ну, технически это она.

Она трясет головой.

– Годовщина – это праздник. Годовщина свадьбы там или чего-нибудь хорошего... не аварии и смерти.

Это единственное, что она сказала о Дэниеле за много лет, и слова «авария» и «смерть», произнесенные вслух, кажутся мне маленькой победой.

– Годовщина – это дата, в которую что-то случилось. Хорошее или плохое, – говорю я как можно мягче.

Я почти собираюсь обнять ее, но у нас в семье это не принято. Мы не обнимались многие годы. Поэтому я остаюсь сидеть за столом и смотреть на нее с безопасного расстояния.

Джози сглатывает, смотрит на ногти на ногах, выкрашенные ярко-оранжевым лаком. Я помню, как говорила ей, что людям с толстыми пальцами следует отдавать предпочтение нейтральным цветам. Наверное, я вела себя грубо, но это же была шутка. Она испугалась, но потом заявила, что лучше уж толстые пальцы, чем толстые ноги, и с тех пор красит ногти в самые дикие цвета.

Когда она поднимает взгляд, я обращаюсь к ней по имени:

– Джози? Ты слышала, что я сказала?

Она говорит: «Да».

– Мама хочет, чтобы мы что-нибудь сделали. Втроем. Или даже пригласили папу.

– Так поговорила бы сначала с ним, – рявкает Джози. – И вообще, у него новая девушка.

– Да? – спрашиваю я, ощущая одновременно негодование и зависть. Выходит, она с отцом ближе, чем я. – И давно?

– Не помню... несколько месяцев.

– Я ее знаю? – мне кажется, что у них все не слишком серьезно. В его «Фейсбуке» нет никаких следов женщины, а все его девушки всегда это делали: постили фотографии, часто из поездок или из его дома на озере Бертон, отмечали его в записях, чтобы появиться в ленте его друзей.

Она пожимает плечами:

– Ее зовут Марсия. Она судебный репортер.

Джози начинает колотить по воображаемой клавиатуре, и я представляю себе девушку с огромной грудью и красными акриловыми ногтями.

– И сколько ей лет?

– Почему ты всегда спрашиваешь?

– А почему нет?

– Не знаю... за сорок. Она в разводе, двое сыновей. И что же мама собирается устроить на эту жуткую годовщину? Маскарад? Сеанс спиритизма?

– Джози! – кривлюсь я.

– Что? Мама верит в эту хрень.

– Она не верит в спиритизм! Только в знаки...

– Это ужасно. Нет никаких знаков. Дэниел не создает радуги и не подбрасывает на тротуар монетки, – презрительно говорит Джози, – и ты так и не ответила на мой вопрос. Что именно она собирается устроить в память жуткой автомобильной аварии?

– Не знаю... может, съездить куда-нибудь.

– Ты считаешь, что это правильно? – спрашивает Джози, смотря мне в глаза. – Уехать в тропики...

Я перебиваю ее, пока она не наговорила лишнего.

– По-моему, дело тут не в правильности и неправильности. И я не сказала ничего про тропики! Она говорила про Нью-Йорк.

– Почему?

– Из-за Софи.

– Какой такой Софи?

– Ну тебя, Джози. Ты прекрасно знаешь... Подружка Дэниела.

– Почему они до сих пор общаются? Это нездорово.

– Может быть. Может, для этого она и хочет в Нью-Йорк. Все закончить.

– Закончить? Мередит, Дэниел погиб пятнадцать лет назад, – глаза у нее стали стальными.

– Я знаю, – говорю я.

Она смотрит на меня, прежде чем ответить.

– И знаешь что? – я не успеваю сказать ни слова. – Они бы все равно расстались. Она бы разбила ему сердце. Или наоборот. И в любом случае мама бы ее возненавидела, как возненавидела всех наших бывших, и давно бы уже забыла Софи. А вместо этого...

– Вместо этого Дэниел погиб, – говорю я, думая, что это все правда. Смерть Дэниела все изменила. Навсегда. И вот об этом Джози постоянно забывает.

Лицо Джози становится пустым, и она заявляет, что собирается поговорить с Харпер.

Я вздыхаю и смотрю ей вслед. Через несколько секунд я слышу, что они с Харпер визжат от смеха. Это подтверждает одну из моих теорий о сестре. То ли она использует детей, чтобы прятать свои настоящие взрослые чувства. То ли она сама еще ребенок.

Примерно через полчаса Джози возвращается в кухню с Харпер на буксире. Находит свои туфли и говорит:

– Ладно, это было круто, но я пошла.

– И куда? – спрашиваю я, хотя мне вовсе не интересно.

– Хочу поужинать с Гейбом, – она бросает пустую бутылку в мусор.

– Вы же живете вместе, вам мало? – спрашиваю я, думаю, когда это все наконец достигнет логического завершения. Что бы они ни говорили, я точно знаю, что мужчина с женщиной не могут «просто дружить», особенно если они вместе снимают квартиру.

– Ты не поверишь, но у нас обоих бурная социальная жизнь. Так бывает, когда у тебя есть друзья.

Она явно хочет поддеть меня, потому что считает, что количество друзей важнее качества. Чем больше фотографий ты постишь, чем больше на них людей, тем веселее ты живешь. Ей тридцать семь, но она так и не переросла концепцию популярности.

– Ага, – говорю я, – ну ладно, хорошо провести время.

– Обязательно. Спасибо, – она закидывает сумку на плечо.

Харпер хватается за руку и просит не уходить. Я злюсь. Против моего ухода дочь никогда не возражает. Быть матерью немного сложнее, чем просто приходить поиграть на часок-другой.

– Мне пора, солнышко, – Джози наклоняется поцеловать Харпер в пухлую щечку, а потом выходит.

Я провожаю ее и успеваю заметить имя Гейба на экране телефона. Воображаю, что она обо мне говорит.

– Пока, Джози, – говорю я и почему-то не хочу, чтобы она уходила. Точнее, хочу пойти поужинать вместе с ней.

– Пока, – она не отрывается от телефона.

Я несколько секунд смотрю ей вслед и окликаю ее по имени. Она оборачивается, и длинные светлые волосы закрывают лицо.

– Ты хотя бы подумаешь о том, о чем мы говорили? – я не хочу кричать имя Дэниела. – Пожалуйста.

– Да, конечно, – отвечает она весело. Она не просто врет, но хочет, чтобы я это видела. – Обязательно.

Глава третья. Джози

– Как раз вовремя, – говорю я Гейбу, когда он подсаживается ко мне в баре «Локал Три», куда мы регулярно ходим.

Указываю на жареного морского черта и холодный арбузный суп, которыми я его соблазнила. Он, видите ли, заявил, что слишком устал, чтобы слезать с дивана. Он не просто любит поесть, он настоящий гурман, и его всегда можно выманить куда-то едой. Особенно если я обещаю заплатить, что я сделала сегодня, написав ему сообщение от Мередит.

– И что она сделала на этот раз? – спрашивает он.

Я не сообщала ему никаких подробностей нашего разговора, просто сказала, что он мне нужен, чтобы избавиться от «эффекта Мередит». Так я называю комплекс ужасных ощущений, который регулярно обеспечивает мне сестра.

– Через две минуты, – говорю я, – посмотри пока на это.

Я протягиваю ему телефон и смотрю, как он читает письмо, которое пришло только что, пока я парковалась.

От: Андреа Карлайл

Отправлено: 18 августа

Кому: Джозефин Гарланд

Тема: Родительский комитет

Дорогая Джозефин (или мисс Джози)!

Огромное спасибо вам за первый день в первом классе. Эди очень понравилось, и я знаю, что это целиком ваша заслуга. Спасибо и за то, что помогли зубу добраться до дома. Уверена, что Зубная фея тоже вам благодарна.

Завтра Эди принесет заполненную анкету, но я хочу заранее сообщить вам, что хотела бы стать председателем родительского комитета. Я уверена, что прекрасно справлюсь и стану отличным координатором связи с другими родителями.

Так или иначе, я мечтаю встретиться с вами лично на дне открытых дверей. Я много слышала хорошего о вас и о вашей семье. Уилл рассказывал. Какой маленький мир, правда?

С любовью,

Андреа

– Как интересно, – тянет Гейб, кладя телефон обратно на стойку, – и что ты думаешь?

Это мне в Гейбе нравится. Он всегда спрашивает, что я думаю, прежде чем сказать, что думает сам. Мередит поступает наоборот. Остальные люди тоже.

– Не знаю, – говорю я, – может быть, это как в той пословице? Типа держи друзей близко, а врагов еще ближе?

– Может, – говорит он, – но, вообще, я не вижу тут скрытых мотивов. По-моему, она просто хочет подлизаться к учительнице.

– И как ты оцениваешь тон письма? – спрашиваю я, мечтая услышать его беспристрастное мнение.

– По-моему, оно довольно милое.

Я неохотно киваю. Гораздо проще ненавидеть жену Уилла, чем смириться с тем, что она может оказаться приятной женщиной.

– Ты ей ответила? – спрашивает он, прихлебывая пиво «Свитуотер», которое я тоже ему заказала.

– Пока нет.

– А ответишь?

– Ну да. Придется. Положено отвечать на все письма от родителей.

– А ты всегда соблюдаешь правила, да? – улыбается он.

– Ну, вообще-то да. Хотя бы в школе. Брать ее в родительский комитет главной?

– А что это значит?

– Андреа достаточно выразительно это описала, – говорю я как можно ехиднее и пытаюсь изобразить французский акцент, – она будет координатором связи с другими родителями, – я не совсем понимаю, чего хочу добиться. Подчеркнуть, что она выбрала выпендренное выражение?

– Ну так кинь ей кость, – предлагает Гейб, – это будет знак доброй воли.

Я морщусь.

– Господи, Джо. Забудь уже Уилла. Это в прошлом.

– Знаю, – говорю я, вспоминая, что после Уилла у меня были одни серьезные отношения и еще пяток других.

– Вообще, я не думаю, что ты его по-настоящему любила, – говорит Гейб.

Я это от него уже слышала. Хотелось бы в это поверить, но никак не получалось. Особенно теперь, когда я познакомилась с дочкой Уилла. Я думаю о просвете между ее зубами и чувствую что-то похожее на настоящую боль.

– Бред, – говорю я, – конечно, любила.

Гейб пожимает плечами.

– Твои действия говорят об обратном. Ты разрушила эти отношения.

– Нет, – отвечаю я, думая, что он единственный из всех знает, что там все было намного сложнее.

– Да. И теперь посмотри на себя.

– Ты о чем?

– Ты торчишь тут со мной и ешь сэндвич со свининой, – говорит он. Тоже мне, король самоуничужения.

– А что не так с моим сэндвичем? – улыбаюсь я. Мне уже стало лучше.

Гейб – мой лучший друг-мужчина, и уже довольно давно. Я всегда его так называю, хотя сама не понимаю почему. Он просто мой лучший друг, независимо от пола. Он тоже вырос в Атланте и даже учился со мной в начальной школе, но ушел в школу Атланта Хай, когда его выгнали из нашей Ловетт-скул. Он влез в компьютерную систему и подделал оценки своим друзьям (менять свои собственные оценки ему не пришлось). Так что, если не считать редких встреч в компании, мы почти не были знакомы вплоть до выпускного курса в Университете Джорджии. Это случилось сразу после смерти Дэниела. Гейб пришел на похороны вместе со своей семьей, но само по себе это ничего не значило, потому что на службе было несколько сотен человек. И вообще, я ничего толком не помню. А потом он послал мне написанную от руки записку, которую я заметила. Там не было ничего особо выдающегося, он просто выражал соболезнования и говорил, что все уважали и любили моего брата. Его все уважали и любили, Дэниел был хорош во всех отношениях, но Гейб хотя бы нашел время сообщить мне об этом. Так что когда через пару недель я увидела его в «Ист-вест бистро» в Афинах, то подошла сказать ему спасибо.

Он кивнул, и я приготовилась к серии жутких вопросов о том, что я чувствую. Но он не стал их задавать, просто еще раз сказал, что ему жаль, и сменил тему. Это обрадовало меня не меньше любого сочувствия. Мы проговорили остаток вечера, он проводил меня до дома и нерешительно попросил телефон. Я сказала, что у меня есть парень, это было ложью – я просто

иногда ходила куда-нибудь с одним бейсболистом, – но я хотела ясно дать понять, что в этом качестве он меня не интересует. Гейб пожал плечами и сказал, что это его устраивает, что он готов просто со мной дружить. «Я всегда считал, что ты клевая».

Во-первых, я ему поверила, а во-вторых, других достоинств у меня не было, так что я дала ему свой номер и мы быстро сблизились. Обычно мы ходили по барам и пили или сидели в квартире у одного из нас и тоже пили. Еще мы выгуливали его собаку, древнего черного лабрадора по имени Вуди, и вместе ходили на курс антропологии. Мы прогуливали его так часто, что раньше даже не знали, что оба на него записаны. Еще мы бывали на концертах и любили покурить травку.

Наша дружба казалась странной... просто потому, что она вообще имела место. Не только из-за того, что парни якобы не могут дружить с девушками. У нас было очень мало общего, даже в колледже, когда людей многое связывает.

Гейб был не такой, как все, он совсем не походил на моих подруг или тех парней, к которым меня тянуло. Он мне нравился, хотя иногда любил меня унижать. Я быстро потеряла счет случаям, когда он недоверчиво смотрел на меня и говорил что-то вроде «И как ты можешь этого не знать?» или «Тебе точно надо это посмотреть/прочитать/услышать». Но он абсолютно точно ценил мою прямооту, так же как я – его сложность, и мы сошлись.

Прошло уже много лет, но Мередит и другие мои друзья все еще удивлялись невинности нашей дружбы. Они обвиняли нас в том, что мы тайно встречаемся. Или подозревали, что Гейб хотя бы в меня влюблен. Или я в него. Я всегда твердила, что это не так. Да, конечно, между друзьями разного пола порой возникает мимолетное влечение, особенно если они выпивают вместе. Но между мной и Гейбом никогда не случалось ничего предосудительного, не говоря уж о заранее обреченной попытке построить настоящие отношения. Постепенно нам стало ясно, что никто из нас не хочет рисковать дружбой из-за похоти, одиночества или простого любопытства. Короче говоря, мы живое доказательство того, что парень с девушкой могут просто дружить.

Помогало, конечно, и то, что Гейб был не в моем вкусе. А я не в его. Я фигуристая блондинка, довольно обычная, хотя и симпатичная, а Гейб любит маленьких тощих брюнеток, лучше с экзотической внешностью. Две его последние девушки были азиатки с фигурами мальчиков. А я люблю широкоплечих, крепких, голубоглазых парней, тогда как Гейб длинный, тощий, темноглазый и вечно небритый. Иногда щетина превращается в настоящую бороду, и это реально мерзко.

– Не пойми меня неправильно, – говорит Гейб и машет бармену, чтобы заказать еще пива. Судя по его выражению лица, он хочет и дальше говорить об Уилле. Ну конечно. – Я рад, что вы расстались.

– Страшно круто, – говорю я, – ты рад, что мне тридцать семь, я одна и окончательно отчаялась?

– Типа того, – улыбается он.

Я улыбаюсь, понимая, о чем он. Я чувствую то же самое. Я всегда радуюсь, когда Гейб один. Когда он расстался с последней девушкой, я вздохнула с облегчением. Она отличалась страшным снобизмом и все время хвасталась своими знакомыми. Не то чтобы мы не желаем друг другу счастья. Желаем, конечно. Я хочу, чтобы Гейб влюбился, женился и завел семью (хотя он совершенно не уверен, что создан для этого), и я знаю, что он хочет того же для меня. Но глупо скрывать, что близким одиноким друзьям часто бывает проще без других людей. И к тому же мы всегда понимали, что не станем встречаться с тем, кого не устроит наша проверенная временем дружба. Однажды Гейб даже назвал ее защитным устройством, позволяющим отводить нервных ревнивых девиц, которых он еще именует «психованными».

Забавно, что так и не подружился с Гейбом только Уилл. Он звал моего друга «депрессивным позером», а это было несправедливо, потому что Гейб никогда не пытается никого впе-

чатлить и его вообще не интересует, что другие о нем думают. И он на самом деле не депрессивный, просто мрачный и едкий. Иногда люди от этого устают. Но он бывает и очень веселым, и он щедрый и верный. Я не сомневаюсь, что Гейб для меня все что угодно сделает.

– И что там с Мередит? – он меняет тему.

Я вздыхаю и пересказываю ему последние новости. Они с моей мамой планируют на декабрь что-то грандиозное.

– Пятнадцать лет прошло...

Он заинтересованно смотрит на меня.

– Они хотят навестить Софи в Нью-Йорке.

– Софи? – спрашивает Гейб, и я понимаю, что уже много лет не упоминала ее имени. В отличие от Мередит и мамы, я не вижу смысла с ней общаться.

– Ну, девушку, с которой он встречался.

– А, точно, – Гейб свистит.

– Ну да. Как-то это нездорово.

– По меньшей мере странно, – он осторожно выбирает слова, как всегда в разговоре о Дэниеле.

– Это очень странно. Ненормально. Им пора жить своей жизнью.

Он поднимает брови и смотрит на меня. Я знаю, что он снова думает про Уилла. Я почти вижу у него над головой пузырь со словами «Чья бы корова мычала».

– Что? – защищаюсь я.

– Ничего, – невинно говорит он.

Я чувствую, что должна принять меры. Достаяю телефон и быстро печатаю письмо.

От: Джози

Отправлено: 18 августа

Кому: Андреа Карлайл

Тема: На: Родительский комитет

Дорогая Андреа,

Спасибо вам за ваше замечательное письмо. Эди очаровательна, и я хотела бы познакомиться с ней поближе. Надеюсь, Зубная фея будет к ней добра. Я рада, что вы вызвались быть председателем родительского комитета. Конечно же, я согласна. Жду не дожусь встречи с вами. Действительно, мир очень маленький!

С любовью, Джози

Я быстро проверяю, не наделала ли ошибок, и отправляю письмо. Прислушиваюсь к свисту, с которым оно уходит. Мне кажется, что я сделала что-то необратимое.

– Смотри, – я показываю письмо Гейбу.

Он быстро проглядывает его, возвращает мне телефон и ухмыляется.

– Посмотрите-ка на мисс Держу-Себя-В-Руках.

– Я действительно держу себя в руках, – отзываюсь я и сама в это верю.

Ночью я просыпаюсь около двух часов и не могу заснуть. Я говорю себе, что просто нервничаю из-за начала учебного года, привыкаю к новому режиму, но приближается утро, и я понимаю, что причины лежат глубже. Я понимаю, что дело в Дэниеле, Софи, маме, Мередит, Уилле и Андреа. И, конечно, в Эди, которая наверняка крепко спит. Я представляю себе, как рассыпались по подушке ее светлые кудри. Думаю, что под подушкой лежит блестящая монетка, а девочке снятся волшебные сны. Думаю о своем разговоре с Гейбом, человеком, который знает меня лучше всех, который осведомлен о моих секретах, знает, о чем у меня

болит сердце. Прямо сейчас я сожалею о допущенных ошибках, из-за которых мне приходится заводить себе парней на другом континенте. Парней не более реальных, чем Зубная фея.

Глава четвертая. Мередит

Вечером пятницы, за сорок пять минут до того, как мы с Ноланом собираемся выйти из дома и пойти ужинать с друзьями, няня присылает смс: *«Извините. Я заболела и не могу присмотреть за Харпер сегодня. Отравилась ☹☹☹»*.

– Врет, – говорю я и кидаю телефон на стол с такой силой, что приходится проверять, не треснул ли экран.

Даже если бы я поверила, что она больна – а я не верю, – ее легкомысленное «извините» в сочетании с тремя смайликами вывело бы меня из себя.

– Кто врёт? – спрашивает Нолан из гардеробной.

– Няня, – отвечаю я, – она не придет.

– А кто у нас няня? – спрашивает Нолан, выглядывая наружу. На нем боксеры, носки и новая светло-голубая льняная рубашка. Один из многих плюсов мужской жизни – по крайней мере, в нашем доме – в том, что Нолан не утруждает себя вопросами вроде найма нянь. Ему нужно только выбирать рубашки самому себе.

– Средняя дочка Тропперов. Спорим, ее просто мальчик куда-то пригласил.

– Она правда могла отравиться, – говорит Нолан, – это с людьми случается.

– Нет. Кто может отравиться в шесть сорок пять пятницы? И, кстати, тот, кто правда травится, обязательно придумывает себе другую болезнь. Потому что отравление всегда звучит как отговорка.

– Да, – смеется Нолан, – а почему?

– Потому что так обычно и бывает. Надо ей позвонить. Сказать, чтобы она все равно приходила, раз это не заразно.

– Нельзя присматривать за ребенком, если ты отравился, – Нолан как будто ничего не понял. Я смотрю, как он аккуратно расстегивает рубашку и вешает ее на мягкую вешалку в моем крае гардеробной.

– Ты что делаешь? Одевайся, – говорю я, – я попрошу маму или Джози присмотреть за Харпер.

– Правда? – разочарованно спрашивает он.

– Ты разве не хочешь никуда идти? – спрашиваю я, думая, что сама мечтала о встрече с Грэмами всю неделю.

– Хочу. Но и дома бы посидел с удовольствием. Можно заказать китайской еды и посмотреть «Родину», еще три серии осталось.

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него:

– Мы никуда не ходим.

– Неправда, – говорит он, – мы ходили ужинать в прошлую субботу.

– Да, но это были люди с работы. Они не считаются, – отвечаю я, зная, что, если мы останемся дома, Нолан будет смотреть телевизор, пока я буду укладывать Харпер – адское выматывающее занятие, порой занимающее несколько часов.

Я удерживаюсь от признания в том, как сильно я мечтаю о паре бокалов и вечере со взрослыми людьми, без дочери, и вместо этого снова говорю, что позвоню маме и Джози – вдруг кто-то из них свободен.

– Ты же знаешь, что Джози занята. Разве бывало так, что ей нечего делать вечером в пятницу? – спрашивает Нолан, так и не надевший рубашку.

Он в еще более лучшей форме, чем обычно, потому что готовится к очередному триатлону. Его утренняя тренировка очень удачно приходится на то время, когда нужно собирать Харпер в школу.

Я пишу обоим, на всякий случай, но, как и предсказывал Нолан, Джози сразу отвечает, что у нее уже есть планы. Мама говорит, что с удовольствием бы нам помогла, но она собирается пойти в кино с Кеєм, своим приятелем из церкви.

– Черт, – бурчу я себе под нос.

– Мы могли бы позвать Грэмов в гости, – предлагает Нолан.

Я качаю головой и страшно злюсь.

– У нас бардак и есть нечего.

– И что? Пиццу закажем.

– Не хочу, – отвечаю я, понимая, что укладывать Харпер придется все равно мне, – и вряд ли Грэмы станут платить няне своих детей, только чтобы провести вечер с чужими.

– Ну ладно, – говорит он, – наверняка мы сможем придумать что-нибудь интересное.

Он подмигивает мне и делает вид, что стреляет в меня из пальца. Я знаю, что он пытается развеселить меня, но одновременно явно кое-что предлагает.

Я уклончиво фыркаю, прикидывая, на каком месте в списке моих любимых развлечений теперь стоит секс с мужем – до укладывания дочери или после.

Я знаю, что это звучит ужасно. Как будто я жуткая мать и жена. Или по крайней мере неблагодарная. Совсем не похоже на тот имидж, который я пытаюсь создать в «Инстаграме».

Тег «#счастливаяжизнь». Тег «#красиваясемья». Тег «#счастье».

Иногда – например сегодня – я никак не могу понять, что хуже: притворяться счастливой, когда ты несчастна, или постоянно злиться из-за того, что ты должна быть счастливой. Эми, мой психолог, говорит не относиться к себе так сурово. Наверное именно поэтому я к ней и хожу. Она говорит, что все люди создают воображаемую версию своей жизни и пытаются в нее поверить. Другими словами, в социальных сетях врут все. Или хотя бы выставляют напоказ лучшее. Эми еще говорит, что, хотя мне есть за что благодарить судьбу, мой брат действительно погиб в ужасной катастрофе, которая разрушила мою семью, привела к разводу родителей и оставила мне только одну сестру, которая одновременно эгоистична и жестока к себе. Короче говоря, я имею право на грусть и фрустрацию, несмотря на то, что с того ужасного дня произошло много хорошего.

Кроме того, мне нравится еще одна точка зрения Эми (ей самой за сорок). Она утверждает, что тридцать – это серьезный рубеж для многих, а материнство – вовсе не бесконечное счастье, как воображают девушки, разглядывая голубые, розовые или желтенькие ползунки. Она клянется, что все становится легче, когда дети вырастают и делаются самостоятельными, и что материнство в любом возрасте тяжело. Очень тяжело. Матерям, которые сидят дома, сложно, работающим матерям сложно, работающим неполный день тоже сложно, хотя первые два лагеря постоянно настаивают, что уж мы-то берем все лучшее от обоих миров. Лично мне кажется, что мы получаем худшее. Черт. Я снова это сделала. Черт. Черт. Черт. Черт.

Кстати, я люблю дочь сильнее всего на свете. Она – лучшее, что я сделала и сделаю в жизни. Просто необходимость заботиться о маленьком ребенке сводит меня с ума, в чем я могу признаться только Эми, которой я плачу за час абсолютной честности. Я не могу сказать об этом мужу, который недавно сказал, что у меня нет материнского инстинкта. Я не могу сказать друзьям, потому что это обесценит мой идеальный образ в «Фейсбуке». Не могу сказать сестре, которая отчаянно хочет ребенка. И не могу сказать матери, потому что знаю, что она отдала бы все, чтобы вернуть своего старшего сына и снова пережить с ним даже те моменты, которые кажутся мне омерзительными. Я нужна маме. Ребенок, о котором не нужно волноваться. Единственный ее ребенок, который не умер и не разрушил свою жизнь.

Еще сильнее на меня давит то, как я отношусь к Нолану, моему мужу на протяжении последних семи лет (конечно, скрываю я это еще тщательнее). Я не знаю, откуда начать, разве что с начала, с ответа на вечный вопрос «И как вы познакомились?». У каждой пары есть на это ответ. История, которую рассказывают раз за разом. Иногда главным рассказчиком становится

муж, иногда жена. Иногда они говорят вместе, превращая историю в крошечный спектакль. Грустный взгляд, радостный смешок, неожиданный поворот сюжета. «Он тогда сказал... А я тогда... и вот мы... долго и счастливо».

Иногда мне кажется, что причина моих проблем с Ноланом в том числе в этой самой истории. Потому что, даже если я озвучу приглашенную, сокращенную и приличную версию, не упоминая сентиментальных деталей вроде «Нолан был одним из тех, кто нес гроб моего брата», мы все равно упрямся в Дэниела.

Сколько я себя помню, Нолан был лучшим другом моего брата, хотя, при почти пятилетней разнице в возрасте, я не обращала внимания ни на одного из них, разве что в самом раннем детстве. Он просто был данностью, как обитый твидом диван в гостиной или отцовский верстак в гараже. Фоном, на котором проходило мое детство. Старшим мальчиком, который обменивался с братом бейсбольными карточками, играл в футбол во дворе или оставался ночевать у нас на раскладушке, вытащенной из-под односпальной кровати Дэниела.

Когда я дожила до средней школы, игнорировать Дэниела и его друзей стало сложнее, хотя бы потому, что Джози говорила только о них. Особенно ее интересовал Нолан, и я вынуждена была согласиться, что на него приятно смотреть. У него были волнистые светлые волосы, ярко-голубые глаза, и он очень легко загорал. В общем, он так походил на спасателя Малибу, что Дэниел его так и звал.

К тому же он был самым спортивным другом Дэниела и добивался успеха в любом виде спорта. Правда, ему не хватало трудолюбия и энтузиазма Дэниела, и это уравнивало их шансы на поле. Но больше всего мне нравилось в Нолане чувство юмора, его спокойное отношение к жизни, что так не походило на моего брата-отличника. Они во многом были противоположны друг другу, и с годами это стало еще заметнее. Дэниел стал лучшим выпускником Ловетт-скул и уехал в Гарвард, а Нолан выбрал девушек, вечеринки и университет Миссисипи. Средний балл у него еле-еле дотянул до двух (как раз чтобы вернуться в Атланту и работать в семейной типографии). Несмотря на то, что их пути разошлись, они оставались друзьями. За несколько дней до смерти Дэниела я подслушала, как он говорит Софи, что Нолан будет его шафером.

Поэтому, когда наутро после аварии мы вернулись из больницы и обнаружили «тахо» Нолана перед своим домом, это показалось нам одновременно уместным и ужасным. Пока мы с родителями вылезали из машины и шли к нему, он мог бы сказать что-нибудь совсем жуткое, но вместо этого только спросил:

– Где вы были? Где Дэнни? Мы собирались поиграть в баскетбол в десять, – он жевал пончик и, пока ждал ответа, успел облизать пальцы.

Я задержала дыхание и посмотрела на отца, который все еще не снял мятый костюм после командировки, только сунул красный галстук в карман. Он хотел ответить, но опустил голову и побежал в дом. Мама схватила его за руку. Нолан вылез из машины и перестал улыбаться.

– Мередит, – непонимающе сказал он, – что случилось-то?

Мне было всего двадцать, я еще даже не могла покупать пиво, но было очевидно, что именно мне придется сообщить лучшему другу Дэниела о его смерти.

– Дэниел вчера попал в аварию, – сказала я кое-как, хотя у меня сдавливало горло, а в ушах шумела кровь.

– С ним все в порядке? – спросил Нолан, как будто подталкивая меня к правильному ответу. – Он же поправится? Да, Мередит? – он распахнул глаза.

Я сделала глубокий вдох и впервые сказала это вслух:

– Дэниел погиб.

Нолан смотрел на меня пустыми глазами, как будто не услышал моих слов или не сумел их понять.

– Грузовик врезался в его машину на углу Мурс-Милл и Нортсайда, – пробормотала я. Я сама еще толком ничего не понимала. – Он был пристегнут, но повреждения внутренних

органов оказались слишком сильны. Они сказали, что это произошло очень быстро... Что ему не было больно.

Я повторила то, что мама сказала бабушке: «Ему не было больно». Мне очень хотелось верить, что это правда, но я всегда в этом сомневалась, всегда пыталась представить последние мысли Дэниела. Понял ли он, что происходит?

Нолан рухнул на переднее сиденье, оставив ноги снаружи. На нем были незашнурованные высокие кроссовки. Я задохнулась в ужасе, когда он простонал:

– Черт, только не это. Мать твою. Срань какая.

Меня тянуло убежать, чтобы не видеть и не слышать Нолана. Но я не могла его бросить. Поэтому я обошла его машину спереди, открыла дверь и залезла к нему. И только тут поняла, как я замерзла, и вспомнила, что оставила куртку в больнице.

– Включи, пожалуйста, печку, – тихо попросила я.

Нолан заерзал на сиденье, закрыл свою дверь и повернул ключ. Радио заорало, и он выключил его кулаком, потом треснул по приборной панели, разбил пальцы. Я достала из сумочки платок, но он не взял. Кровь стекала по ладони и запястью. Он сказал, что уезжает.

– Уже? – в ужасе спросила я, не готовая идти домой. Я боялась увидеть Джози и осознать, что брата у нас больше нет. Что нас только двое.

– Ну, так надо, наверное, – сказал он.

Я замотала головой, глядя на пакет с пончиками.

– Нет. Пожалуйста, пойдем к нам.

– Ты уверена? Это же... семейное дело, – голос Нолана дрогнул, и по лицу потекли слезы.

– Ты тоже член семьи. Дэниел хотел бы, чтобы ты зашел.

Почти все люди описывают свое состояние после смерти близкого одинаково – все кажется им нереальным. Особенно самым близким, которые вынуждены всем заниматься. Я видела, как люди приходили и уходили. Друзья, соседи, родственники. Многих из них я раньше вообще не знала. Они приносили еду, выражали соболезнования, плакали. Мама и папа выбрали гроб, разработали сценарий похорон вместе с дамой из похоронного бюро, заказали службу у Джона Симмонса, нашего старого священника. Папа сидел в кабинете, писал речь и пил виски.

Кстати, я не помню, чтобы Нолан уходил, хотя он наверняка ездил домой спать и мыться. По просьбе родителей он сидел в гостиной с компьютером Дэниела и писал и звонил всему списку контактов, друзьям и однокурсникам. Он даже позвонил Софи, всего через пару часов после того, как приземлился ее самолет. Я слышала их разговор и не понимала, откуда он берет правильные слова. Он рассказывал, как Дэниел ее любил, как важна она была для него. Он перекопал все семейные альбомы и сделал коллаж, который должны были демонстрировать на похоронах. Он сидел рядом со мной и напряженно молчал, когда мы начали понимать, что это все навсегда.

Нельзя сказать, что он нас утешал. Вряд ли что-то могло нас утешить в тот момент. Но все же от его присутствия делалось немного легче. Он не был моим братом, зато был его близким другом. Я прекрасно поняла, за что Дэниел так его любил.

Примерно через неделю после похорон, за день до моего возвращения на север Нью-Йорка, в колледж, Нолан заехал поздороваться и, как он выразился, «проверить, как вы». Стоя в прихожей, он смотрел на лестницу, а я говорила, что мама уже легла, у нее мигрень, а папа в офисе, работает.

– А Джози? – спросил он. – Она уже уехала учиться?

– Нет. Она уедет на следующей неделе... Я не знаю, где она сегодня, – сказала я, думая, что ее частое отсутствие стало совершенно нормальным еще до аварии, а после нее только усилилось.

Я никогда не знала, где она, с кем она общается, и иногда не видела ее по несколько дней. Между прочим, родители никогда не придумывали для нее никакого комендантского часа, и обычно она возвращалась домой уже после полуночи или вообще не возвращалась. Мы так и не поговорили о том вечере, о том, где она была и как все узнала, и я начинала подозревать, что этого никогда не случится. Что смерть Дэниела окончательно оттолкнет нас друг от друга.

Нолан сунул руки в карманы и долго смотрел на меня, а потом спросил, не хочу ли я перекусить. Приглашение меня удивило и одновременно польстило, так что я согласилась. Следующий час мы катались по Бакхеду, выбирая, куда пойти, и отвергая ресторан за рестораном. В конце концов мы сели в «ОК кафе», ярко освещенном дайнере, где подавали простую южную еду. Мы сели в дальний угол, ели барбекю и макароны с сыром, пили сладкий чай и говорили обо всем, кроме Дэниела. Вместо этого Нолан задавал мне вопросы, как будто не знал меня всю мою жизнь. Я начала догадываться, что не знал.

– Почему ты выбрала Сиракузский университет? – спросил он. – Я не знаю ни одного человека из Атланты, который бы туда уехал. Кроме тебя.

– А это недостаточная причина? – парировала я.

– Серьезно? – улыбнулся он, и на щеках у него появились ямочки.

– Ну да. Типа того, – я тоже улыбнулась, – к тому же у них отличная школа актерского мастерства.

– А, точно. Ты же из театра. Ты играла в куче пьес в Пейсе, да?

Я кивнула и сказала, что это одна из причин, по которой я выбрала другой университет. Не тот, что брат и сестра.

– Дэниел тобой гордился.

Я опустила взгляд, стараясь не заплакать, и Нолан отвлек меня новыми вопросами:

– Ты хочешь стать актрисой?

Я кивнула.

– Но ты такая застенчивая, – сказал он. Это говорили мне очень многие, узнав, чем я занимаюсь.

– Ничего я не застенчивая. Я просто интроверт, – я начала объяснять разницу. Говорить, что люди меня немного напрягают и я предпочитаю быть одна. – Дэниел тоже был интровертом. Он очень тщательно выбирал, с кем проводить время. С тобой например.

Нолан улыбнулся, и я подумала, что, может быть, он пригласил меня поужинать не из вежливости. Может быть, я тоже его утешала. Помогала ему ощущать связь с Дэниелом.

– А чем еще вы похожи?

Я заколебалась, не понимая, какое время глаголов использовать. Настоящее – из-за меня – или прошедшее – из-за него.

– У меня тоже ОКР. И такой же средний балл, – я улыбнулась, – хотя не стоит сравнивать нейрохирургию с шекспировским театром. Я умная, но он все-таки поумнее.

– Ну, на самом деле предметы, которые ты изучаешь, не определяют твой интеллект.

– Ну да, – сказала я, хотя Дэниел все равно был умнее меня. Умнее всех в нашей семье.

– Между вами двоими больше общего, чем между тобой и Джози.

Я кивнула.

– Да, она, наоборот, экстраверт. Любит потусить. Это забавно. Вообще, я больше похожа на Дэниела, но с ней он больше дружил, – я почувствовала укол ревности, а потом мне стало за это стыдно, – Дэниела тянуло к людям вроде тебя... и нее.

– Неудачникам? – улыбнулся он.

– Счастливым, – я обхватила руками теплую кружку. Мы уже пили кофе. – Веселым. Ты всегда мог его рассмешить.

Нижняя губа у Нолана задрожала.

– Я слышала, как он говорил Софи, что ты будешь шафером у него на свадьбе. Когда-нибудь.

– Он так сказал?

– Да. Но ты же и так это знал.

– Ну да, наверное. Господи, он был лучшим человеком на свете. Всем бы такого друга. Он прикрывал меня... Вытаскивал меня из всякой фигни.

Я слегка улыбнулась, припомнив несколько смешных историй из надгробной речи Нолана. Он рассказывал, каким верным и надежным был Дэниел, а самого себя представил разгильдяем.

– Я не верю, что это он лежал в том ящике, а не я. Господи, вот бы это был я.

Я покачала головой, хотя на самом деле чувствовала то же самое. Если бы умерла я, у моих родителей осталась бы запасная дочь.

В тот день Нолан подвез меня до дома и спросил, нельзя ли ему зайти в комнату Дэниела. Мне стало неудобно. Я еще туда не заходила и знала, что родители делали это только один раз и то вынужденно, чтобы взять одежду для похорон. Но я согласилась, и мы тихо вошли в дом, поднялись наверх и прошли по коридору к закрытой двери. Сердце у меня колотилось. Я повернула ручку и заглянула внутрь.

В комнате было темно, занавески оставались задернуты, и целую секунду я искренне молилась о чуде. Надеюсь, что мы обнаружим Дэниела мирно спящим, а все это окажется дурным сном. Но застеленная кровать и ровное покрывало подтвердили наш кошмар.

– Господи, – прошептал Нолан, когда мы осторожно вошли в комнату, привыкая к темноте.

Я хотела что-нибудь сказать, но не могла ничего придумать. Что тут говорить? Разумеется, у Нолана таких проблем не было.

– Я, по-моему, со школы здесь не бывал. А тут все по-прежнему.

Я кивнула, радуясь, что родители не стали ремонтировать наши комнаты после того, как мы уехали учиться. Наверное, уже и не станут. Мы с Ноланом огляделись. Посмотрели на книжный шкаф, уставленный романами в мягкой обложке, теннисными наградами, подписанными бейсбольными мячами и коллекцией шариков со снежинками. Полюбовались бейсбольными кофтами, висевшими на стене, коллажем из фотографий, прикрепленным к пробковой доске, и стопкой медицинских книжек на столе. На диване в углу лежал открытый чемодан. Я увидела там пижаму, которую Джози подарила ему на Рождество. Он ее так и не распаковал. На тумбочке лежал «Переломный момент» Малкольма Гладуэлла, заложенный примерно посередине. Сверху валялся бальзам для губ. Мне вдруг очень захотелось посмотреть, на какой странице он остановился, но я не рискнула ничего трогать. По-моему, Нолан чувствовал то же самое, потому что мы стояли там, как в музее, глядя на прошлое, на смерть молодого человека, на застывшее мгновение. Мы смотрели и смотрели, пока не изучили все, а потом Нолан взял меня за руки, притянул к себе и обнял.

– Я тебя люблю, Мередит, – прошептал он мне на ухо.

Разумеется, я понимала, что он имеет в виду. Как именно он меня любит. Как старший брат, которого у меня больше не было. Но все-таки от этих слов я чуть не сошла с ума, и по всему телу побежали мурашки.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я в ответ.

В эту секунду поняла то, что пыталась отрицать неделями. Или годами. Я запала на Нолана. Это было очень глупо. Даже слово я выбрала какое-то дурацкое, легкомысленное и вообще не соответствующее нашей страшной потере. Даже не считая того, что Нолан был намного старше и слишком красив для меня, он оставался лучшим другом моего брата. Нельзя встречаться с лучшим другом брата. И теперь тем более нельзя. И вообще, как меня могло потянуть к кому-то сразу после смерти брата? Это неприлично и могло случиться скорее с

Джози, чем со мной. И тем не менее, это произошло. У меня вспотели ладони, а сердце громко билось. Когда он посмотрел мне в глаза, я поняла, что больше не одна.

Я отвернулась, пытаюсь внушить себе, что это все происходит только в моей голове. Что это иллюзия. Реакция на горе. Посттравматический стресс. Это пройдет. И даже если не пройдет, никто об этом никогда не узнает. Я не скажу. Никому не скажу.

– Пойдем, – сказала я, отстраняясь.

– Ага, – согласился он, проводя рукой по волосам. Выглядел он ошарашенным. – Я лучше поеду.

Мы спустились вниз и стали неуклюже прощаться.

– Ты завтра уезжаешь в универ? – спросил он.

– Да, утром.

– Понял, – он быстро обнял меня и чмокнул в щеку, – береги себя, Мер.

– И ты, Нолан.

– Будем держать связь. Обязательно! – сказал он от всей души.

Я кивнула, веря, что он правда так думает, но сомневаясь, что это случится на самом деле. В конце концов мы обязательно перестанем общаться, и наша дружба с Ноланом станет дополнительной жертвой трагедии.

– Так, у меня есть для тебя предложение, – говорю я Харпер, обнаружив ее в спальне (в детстве это была моя спальня).

Ужин мы отменили и уже переоделись в удобные домашние шмотки.

Она поднимает взгляд от коллекции мягких мышек, которые живут в нижнем ящике тумбочки, и спрашивает:

– И какое?

– Ты вообще знаешь, что это значит – сделка? – спрашиваю я, присаживаясь на край кровати. – Хочешь сделку?

Она подозрительно смотрит на меня, но кивает. Ей интересно.

– Если ты почиштишь зубы и сразу ляжешь, я прочитаю тебе целых две сказки, а еще... – я делаю театральную паузу, – никуда не пойду.

– Няня не плидет? – радуется она.

– Не придет.

Она улыбается. Харпер ненавидит, когда с ней сидит кто-то, кроме моей мамы, родителей Нолана и Джози. Особенно по вечерам. Даже молоденькие веселые девчонки погружают ее в пучину горя и одиночества.

– Но тебе придется сразу лечь. Выключить свет. И оставаться в постели. И чтобы без обмана!

Она смотрит на меня, и я почти вижу, как у нее в голове ворочаются мысли.

– Мы договорились? – спрашиваю я, зная, что мне противостоит лучший переговорщик Атланты.

Разумеется, она выдвигает контрпредложение:

– Четыре сказки.

– Три, – говорю я, стараясь не улыбаться.

– Пять, – она поднимает кулачок и раскрывает его, демонстрируя пальцы.

Я качаю головой и спокойно объясняю, что так не получится. Если ты сказала четыре, то переигрывать на пять уже нельзя. Но ее решимость меня восхищает, так что я немного уступаю.

– Давай начнем с трех, а там как пойдет. Если будет не слишком поздно, прочитаю четвертую. Давай, – я указываю на книжный шкаф, – выбирай.

Она сияет и бежит к шкафу. Старательно выбирает три книжки, в которых больше всего букв. А она не дура. Первые два варианта меня устраивают, но потом она тянется за «Хорто-

ном», и я чуть не плачу. Мне, конечно, импонирует мораль этой книжки, которая учит нас терпимости и рассказывает, что все равны, но я что-то не в настроении для доктора Сьюза.

– Я могу наложить вето? – спрашиваю я, думая, что есть куча хороших книг, которые мы давно не читали.

– Нет, мама! – объявляет она и кладет руку на пояс. – Ты сказала, что я выбилаю! А я хочу «Холтона»!

– Разумно, – соглашаюсь я, – давай, беги чистить зубы.

Она кивает и направляется в ванную, которая раньше принадлежала нам с сестрой. Я тем временем прибираю игрушки, расставляю мышек и устраиваюсь у нее на кровати.

Она возвращается через несколько секунд. Я подавляю желание заметить, что за такое время невозможно нормально почистить зубы, и просто двигаюсь, освобождая ей место. Она залезает в кровать, источая аромат зубной пасты с запахом жвачки, и протягивает мне «Сильвестра и волшебный камень». Это одна из моих любимых книжек. Мама читала ее нам с Джози в детстве. Я говорю это вслух, потому что Харпер нравится слушать про «маленьких маму и Джози». Она кивает, устраивается поудобнее, и личико ее светится от счастья. Я открываю книгу и начинаю читать как можно выразительнее, наслаждаясь каждой секундой и напоминая себе, что не стоит ничего принимать как должное.

Глава пятая. Джози

Вечером пятницы, когда я уже собираюсь выходить на свидание с физиотерапевтом по имени Пит, которого нашла на Match.com, Мередит пишет с просьбой посидеть с ребенком и ругается, что няня ее обманула. Я немного колеблюсь, прежде чем ответить, потому что, честно говоря, предпочла бы читать Харпер «Не давай голубю водить автобус», а не поддерживать светскую беседу с каким-то парнем, пусть даже у него красивая фотография на сайте знакомств. Но я решаю следовать заранее намеченному плану, потому что вдруг я сейчас отменю свидание с будущим мужем?

В общем, я так и решила. Мое последнее свидание. Последний шанс. Если с Питом ничего не выйдет, значит, я официально сдаюсь. Признаю свое поражение. Отказываюсь от мыслей о традиционной семье и жизни. Не знаю точно, что это значит. Может быть, я сама уеду в Африку с миссией мира или пойду в банк спермы и стану матерью-одиночкой. Но я брошу эти бесполезные попытки. Я и раньше так говорила, но на этот раз я решила твердо.

Я повторяю себе все это, пока еду по Пичтри навстречу Питу, понимая, что не ощущаю никакого давления. Честно говоря, мне даже хочется, чтобы свидание оказалось хреновым. Плохое свидание в каком-то смысле лучше свидания, которое можно оценить где-нибудь на шесть баллов из десяти. Как раз достаточно, чтобы у тебя появилась надежда – которая непременно разбивается вдребезги на втором или третьем свидании, когда оказывается, что он тянет максимум на четыре или пять. А может быть еще хуже – на втором или третьем свидании ты понимаешь, что на самом деле это восемь, девять или десять баллов... И это гарантирует, что больше он тебе не позвонит.

Так что, вместо того чтобы подбадривать себя, как я обычно делаю перед свиданием, я выискиваю недостатки Пита. Во-первых, он слишком часто использует эмодзи, и наша беседа загажена мультяшными картинками, включая мерзкий палец кверху и бокал красного вина после того, как мы договорились о встрече. Во-вторых, его аватар на «Фейсбуке» – снятая крупным планом черная кошка (знаю я это только потому, что он нарушил одно из основных правил свиданий вслепую и зафрендил меня на «Фейсбуке» до встречи). А еще для сегодняшней встречи он выбрал «Брайо», итальянский сетевой ресторанчик. Не так плохо, чтобы там просто поесть, но для первого свидания – настоящая катастрофа. И вдруг престарелая и отчаянно мечтающая выйти замуж я начинаю искать извинения для Пита, например: эмодзи говорят о легком характере, он любит кошек и не нуждается в постоянном подхалимаже со стороны собаки, а «Брайо» находится совсем рядом с «Барнз и Ноубл», и он предложил после ужина зайти посмотреть книги, а значит, он образованный.

Но это была старая я. Новая я в то же мгновение решает, что это все ерунда, отдает автомобиль парковщику и входит в ресторан. Я сразу замечаю Пита – он сидит у бара, на нем красная рубашка-поло, как он мне сообщил заранее (с подмигивающим смайликом). Он уставился в телефон, и это дает мне несколько секунд, чтобы посмотреть на него и составить первое впечатление. Не то чтобы это была любовь с первого взгляда, но он, по крайней мере, выглядит не хуже своей фотографии. Твердая семерка, к сожалению. Сложно сказать, какого он роста, но фигура вроде неплохая, а подбородок достаточно сильный, чтобы компенсировать слегка редющие волосы. Пока я напоминаю себе, что подбородок подбородком, но он все равно выбрал «Брайо», он замечает меня и машет рукой. Я подхожу к нему, улыбаясь. Терять мне нечего.

– Джози? – он встает, когда я подхожу к бару.

Ростом он, оказывается, около ста семидесяти пяти сантиметров. Может быть, ста восьмидесяти. Голос у него красивый, глубокий, без заметного акцента, хотя я знаю из его анкеты на сайте знакомств, что он из Висконсина. Зубы хорошие, и мне нравится его улыбка, которая сразу добавляет ему полбалла.

– Привет, Пит, – говорю я.

Он спрашивает, хочу ли я остаться за баром или сесть за столик. Я хочу сказать, что мне все равно, но потом выбираю бар. Если беседа станет неловкой, всегда можно втянуть в нее бармена. Я этому научилась за долгие годы.

– Очень рад встрече, – говорит Пит, пока мы усаживаемся на высокие стулья.

Я вешаю сумку на крючок под стойкой и слежу, чтобы случайно не коснуться Пита коленом.

– И я, – говорю я, отмечая ямочку у него на подбородке. Большой плюс. Ну, то есть, на самом деле минус.

– Хорошо, что у нас наконец все получилось, – говорит Пит, намекая на сложности наших расписаний в последние пару недель.

– Да, – и я вдруг решаю поделиться с ним наблюдением о том, что он относится к абсолютному меньшинству людей, которые выглядят лучше своих фотографий в соцсетях.

– Забавно. Я как раз думал то же самое про тебя.

Я улыбаюсь ему и говорю:

– Всегда лучше недооценить себя.

Он смеется и говорит, что мысль неплохая.

– И раз уж мы заговорили о фотографиях, – вспоминаю я, – можно дать тебе один совет по поводу фотки в «Фейсбуке»?

– Ты же отклонила мой запрос.

– Не отклонила, а просто проигнорировала.

– Ну ладно, – он улыбается, – что за совет?

– Убери кошку.

– Что? – возмущается Пит. – Тебе не нравится Конфетка?

– Ее зовут Конфетка?

– Да. Ее зовут Конфетка. Потому что она черная, как шоколадка. Ясно?

– Вау, – я качаю головой и глупо улыбаюсь.

– Что?

– Конфетка? Так себе имечко.

– Его придумала моя племянница. Она умерла.

Целую секунду я думаю, что умерла его племянница, и впадаю в дикий ужас при мысли о том, что наговорила. Потом соображаю, что умерла, наверное, кошка.

– Конфетка умерла?

– Да. Племянница очень расстроилась. На самом деле это была ее кошка, но она жила у меня, потому что у жены моего брата аллергия. Нам всем пришлось нелегко. Конфетка была отличной кошкой.

– Прости, – бормочу я, отмечая одновременно его любовь к животным и хорошие отношения с семьей, – и все-таки не нужно было называть кошку Конфеткой.

Он смотрит на меня и говорит:

– А тебе тогда нужно было не соглашаться на «Брайо».

– Это почему? – смеюсь я.

– Потому что это «Брайо», – говорит Пит. Выглядит он при этом точь-в-точь как Гейб с его гурманским снобизмом. – Большинство девушек из этого района отменяют встречу, когда я предлагаю сетевое заведение.

– А ты бы хотел, чтобы я не пришла? – я замечаю, что бармен нас слушает.

Мы не подаем ему никакого знака, и он уходит к другой паре.

– Я предпочитаю сразу отсекать снобов, – говорит он, – я из Висконсина. Я несовместим со снобами.

– А что, в Висконсине нет снобов?

– Ну, штуки две или три.

– Ну, я не из них, – убежденно говорю я, – а вот мой лучший друг как раз сноб, и он советовал мне отменить встречу, потому что ты выбрал этот ресторан.

– Гей и гурман?

– Ну что за стереотипы, – улыбаюсь я.

– Ладно. Но я же прав?

– Не совсем, – я качаю головой, – он гурман, но натурал.

Пит приподнимает бровь и осторожно смотрит на меня:

– Лучший друг натурал?

– Мы еще и квартиру вместе снимаем.

– Интересно...

– Тебе уже страшно? – я вдруг чувствую себя особенно смелой. – Звоночек.

– А ты уже пытаешься заставить меня ревновать? – парирует он. – Звоночек.

Мы играем в гляделки, пока не появляется бармен. На этот раз мы решаем сделать заказ. Я беру мартини с водкой, безо льда. Прошу «Тито's», если есть, и «Бельведер», если нет.

Бармен кивает и переводит взгляд на Пита.

– А вам, сэр?

– Мне, пожалуйста, «Миллер лайт». И мы закажем закуски, наверное.

Пит смотрит в меню и спрашивает, есть ли у меня предпочтения. Я прошу его выбрать что-нибудь с мясом.

– Колбаски? – спрашивает Пит.

Я киваю, и, когда бармен отходит, Пит говорит:

– Отлично, ты не вегетарианка.

– И глютен ем, – я вспоминаю о последнем бзике сестры, – честно говоря, я даже не знаю, что такое глютен. Пшеница? Или что-то другое?

– Не представляю. Знаешь, как узнать, что кто-то не ест глютен?

Я мотаю головой.

– Он тебе сам скажет, – говорит он с милой улыбкой.

Я смеюсь, и он кажется довольным своей шуткой.

– Ты ведь учительница? – спрашивает он.

– Да. Уччу первоклашек. Мне очень нравится. Люблю детей.

Он кивает, но глаза его на мгновение становятся пустыми. Я пытаюсь придумать что-нибудь поинтереснее, а потом вспоминаю, что вовсе не собираюсь казаться интересной. По крайней мере, более интересной, чем я есть. Вместо этого я задаю вопрос, которой никогда бы не задала на нормальном первом свидании, когда стараешься произвести впечатление.

– А как ты относишься к детям?

Он мнется, прекрасно понимая, чем вызван такой вопрос тетки далеко за тридцать, но сохраняет спокойный вид и говорит:

– Дети – это круто.

– Значит, у нас много общего, – говорю я, когда приносят напитки, – мы любим мясо, глютен и детей.

Пит смеется от души и поднимает бокал.

– За мясо, глютен и детей.

Наши стаканы соприкасаются. Потом соприкасаются наши колени. Я делаю глоток, жду секунду, и бросаюсь во все тяжкие.

– Знаешь, – говорю я, – это мое последнее свидание.

Он смотрит на меня удивленно и смущенно и уточняет:

– Ты имеешь в виду, что больше никуда со мной не пойдешь?

– Вероятно. Ничего личного. Я решила это еще до встречи.

– И почему?

Я прокашливаюсь и говорю:

– Ну... мне тридцать семь, как и написано в моей анкете. Почти тридцать восемь. Так что мне кажется, что пора уже забыть про всю ерунду со свиданиями и поиском мужа. И ко всему прочему, – мне уже все равно, – шестилетняя дочь моего бывшего парня учится в моем классе. Она каждый день напоминает мне, что я отстала от всех и у меня кончается время. Так что, если ты не окажешься тем единственным и будущим отцом моих детей, это будет мое последнее свидание. Потом я пойду в банк спермы или заведу ребенка от незнакомца. Или перееду в Африку и посвящу жизнь заботе о бедных, – я улыбаюсь, – не то чтобы я на тебя давила или что-то такое.

Через два с половиной часа наше свидание заканчивается, и мы вдвоем стоим и ждем, пока парковщик пригонит нам машины. Хотя вечер оказался забавнее, чем я думала – твердая семерка, – никто из нас не упомянул «Барнс и ноубл».

– Ну? – говорит Пит, как будто читая мои мысли. – Это было последнее свидание?

– Похоже на то, – улыбаюсь я.

– Значит, не звонить тебе?

– А ты хочешь?

– Только если ты хочешь.

Я обдумываю его вопрос и говорю правду:

– Не знаю. Наверное...

– Нельзя ли более четкие указания? – смеется он.

– Ну... мне понравился вечер, и ты понравился, но мне не показалось, что между нами есть... искра.

Пит кивает.

– То есть ты едешь в Африку?

– Или в банк спермы, – парковщик кивает мне и вылезает из моей машины. Двигатель работает.

– Ну, удачи, – говорит Пит.

– Спасибо, – я протягиваю парковщику четыре бумажки по доллару и сажусь в машину.

Я чувствую, что Пит на меня смотрит, поэтому открываю окно и говорю:

– Кстати, у тебя очень красивая ямочка на подбородке.

Пит улыбается.

– Ее хватит для второго свидания? Пусть без искры?

– Сомневаюсь, но ты можешь попробовать, – перестраховываюсь я, хотя ни в чем не уверена.

Я машу ему на прощание и еду по Пичтри. Сразу же звоню Гейбу, не жду, пока доберусь до дома.

Он немедленно берет трубку.

– И как прошло?

– Семя одинокого материнства посеяно, – говорю я, – каламбур намеренный.

Глава шестая. Мередит

Втайне я радовалась тому, что после похорон Дэниела мне пришлось уехать в колледж, потому что в Атланте меня ждали бы горе и скорбь. Я звонила родителям так часто, как только могла себя заставить, потому что знала, как они обо мне беспокоятся: естественно, обычные родительские страхи стали гораздо сильнее. Я пыталась выбросить Дэниела из головы, занималась уроками и прослушиваниями, и вообще чем угодно, лишь бы отвлечься. К счастью, моя влюбленность в Нолана быстро прошла, сменившись куда более бурными чувствами к парню по имени Льюис Фишер.

Мы с Льюисом встретились на занятиях по дикции, а потом получили роли Митча и Бланш в «Трамвае «Желание». Он был родом из Бруклина, и меня очаровал его актерский талант, а еще странности характера и утонченность, свойственная жителям крупных городов. Однажды после репетиции мы задержались дольше всех и обнаружили, что у нас есть еще кое-что общее, гораздо более значительное, чем актерство. Мы оба потеряли самого близкого родственника. Я рассказала ему про Дэниела и аварию, а он про свою единственную сестренку Рути, которая бросилась под поезд метро за неделю до своего шестнадцатого дня рождения.

Мы проговорили полночи, безжалостно анализируя свои трагедии. В итоге пришли к выводу, что, хотя смерть Рути эмоционально напряженнее и тревожнее, потеря Дэниела в некотором роде менее справедлива, потому что он был такой счастливый и успешный. Льюис мучился чувством вины, потому что не спас сестру, а я – потому что выжила. Разговор о потерях не только стал большим облегчением для нас обоих, но и помог нам сблизиться. Связь между нами была очень сильной, и явно возникла какая-то химия. Мы вместе плакали, потом обнялись, потом поцеловались.

К премьере мы уже были парой. Даже театральный критик из «Дейли орандж», весьма скупой на похвалы, отметил нашу «осязаемую тягу друг к другу» как один из успехов пьесы, пожаловавшись, что между Стэнли и Стеллой ничего подобного не происходит. Чтобы отметить выход статьи, мы занялись любовью. Это был мой первый раз, и Льюис пожалел, что у него секс уже был раньше.

Мы стали неразлучны. Избегали вечеринок и баров, предпочитая проводить время наедине или с небольшим кругом друзей-актеров. Мы выбирали одни и те же предметы, пробовавшись в одни и те же пьесы и каждую ночь проводили вместе, в его постели или в моей. Мы были слишком молоды, чтобы думать о браке, и вообще, нас не вдохновлял традиционный жизненный путь, но мы говорили о будущем и о выпуске. Будем ли мы работать на телевидении, в театре или в кино, переедем ли в Нью-Йорк или в Лос-Анджелес. Может быть, один из нас смог бы стать звездой и разбогатеть, но мы к этому не стремились. Нам было важно заниматься любимым делом и быть вместе.

Я была почти счастлива, насколько это вообще было возможно, учитывая все произошедшее. Несколько месяцев все казалось мне очень простым – обычный эффект любви. А потом все стало сложным – когда любовь закончилась. Это началось осенью на последнем курсе, когда мы оба пробовавшись в «Как вам это понравится». Льюис получил роль Жака. Роскошная блондинка по имени Поппи – роль Розалинды. А мне досталась оскорбительная роль Одри, деревенской девчонки. Мы с Льюисом никогда не конкурировали друг с другом, но тут вдруг я почувствовала недоверие и обиду. И ревность – особенно к Поппи, которой он восхищался.

У меня началось расстройство пищевого поведения. Я стала ненавидеть себя и занялась самокопанием. Думала, стоит ли мне быть актрисой. Я была недостаточно красива, недостаточно талантлива и, очевидно, недостаточно толстокожа. Когда я поделилась сомнениями с родителями, они, кажется, обрадовались. Они сказали, что актерство – это интересный опыт, но они бы предпочли, чтобы я получила более практичную профессию. Мама сказала, что я

всегда могу играть в театре в качестве хобби, а папа заикнулся про юридическую школу. Сам он был судебным адвокатом, и заметил, что юриспруденция – это тоже театр. Я на это не купилась, но записалась на курсы подготовки к тесту для поступающих в юридические колледжи и начала читать про разные варианты, убеждая себя, что полезно иметь запасной план.

Льюис, который всегда был несколько лицемерен, пришел в ужас и заявил, что я продаюсь. Я парировала, что ему легко говорить – его-то родители были богемными бруклинцами. То есть он мог следовать зову сердца, не разбивая родительские мечты. Наши отношения становились все более натянутыми, а секс, когда-то страстный, сделался механическим.

Во время рождественских каникул, сразу после первой годовщины смерти Дэниела, мои родители усадили нас с Джози в кухне и заявили, что они разъезжаются. Это такой эвфемизм для развода. Я знала, что у них не все гладко, что папа снова начал пить, но все равно этот второй удар, нанесенный нашей семье, меня подкосил. У меня больше не было старшего брата и тихой гавани родительского брака. Честно говоря, чувствовала я себя так, будто у меня вообще не было семьи.

Вскоре после возвращения в колледж Льюис официально бросил меня ради Поппи. Он признался, что они встречаются еще со дня благодарения, но он не стал разбивать мне сердце до двадцать второго декабря.

– Я знаю, как тяжело приходится во время первой годовщины.

– Ну спасибо, – сказала я, изо всех сил стараясь не заплакать, – очень мило с твоей стороны.

Последний семестр в колледже дался мне очень тяжело. Я забросила сцену и впала в депрессию, потому что у меня больше не было ни брата, ни Льюиса. Преподаватель, который заметил, как я похудела и как скачут мои оценки, настоял, чтобы я сходила к университетскому психотерапевту. Терапия и таблетки кое-как держали меня на плаву.

Единственным положительным моментом этой весны были письма о том, что меня приняли в несколько юридических школ, в том числе в Колумбийский университет. Это был, конечно, не Гарвард и не Йель, но все-таки Лига плюща. У меня, конечно, не было шансов сравняться с братом, но я знала, что родители мной гордятся. И я собой гордилась. А это лучше, чем ничего не чувствовать.

Через несколько месяцев я вырвалась из ада Сиракуз, переехала в Нью-Йорк и погрузилась в мир юриспруденции. Театра, пьес и прочих культурных явлений я изо всех сил избегала.

«Может быть, Льюис был прав», – подумала я, узнав, что они с Поппи живут в Гринвич-Вилладж и работают в одном театре. Может быть, я и правда была бесхребетной и продажной. А может, наоборот, поступала благородно и бескорыстно, поставив интересы родителей выше своих. Я убеждала себя, что дело именно в этом, и решила стать их нормальным успешным ребенком, который залечит их раны.

Конечно, они надеялись, что однажды я заведу семью, лучше всего в Атланте. Но если у меня не получится, с этим справится и Джози. Она тогда встречалась с симпатичным парнем по имени Уилл. Он происходил из «хорошей семьи» (по выражению нашей матери) из Мейкона, имел безупречные манеры, а по особым случаям носил строгий костюм. Их отношения очень быстро стали серьезными – они оказались из тех пар, которые придумывают детям имена, не успев даже обручиться. Она тоже старалась осчастливить родителей, и мы заключили безмолвное соглашение: я добьюсь успеха где-нибудь подальше от Атланты, а она выйдет замуж и родит красивых внуков под боком у мамы с папой. Может быть, папа перестанет пить. Может быть, они опять сойдутся.

Мы обе поможем им наладить нормальную жизнь. Я всегда ненавидела это слово.

К выпуску из юридической школы мои родители подарили мне портфель моего брата. Тот, который ему преподнесли на двадцать пятый день рождения. Это было скорее жутко, чем мило, и я начала отчаянно завидовать выбору, который сделала сестра. У меня был портфель

и степень по юриспруденции. У нее – настоящее счастье. Жизнь учительницы – с походами по барам и поездками – казалась мне очень простой. А еще ей было кого любить.

Чтобы не злиться, я убеждала себя, что ее решение меня в какой-то степени освободило. Я твердила себе, что смогу сдать экзамен, устроиться в юридическую фирму на Манхэттене и работать по семьдесят-восемьдесят часов в неделю. Может быть, когда Джози выйдет замуж за Уилла и родит ребенка, я тоже смогу последовать зову своего сердца. Может быть, я тоже стану счастливой однажды.

Но потом, еще до того, как я сбросила с себя цепи юриспруденции, Джози все испортила с громким треском, как всегда поступала. Она позвонила мне среди ночи (я все еще сидела на работе, доделывала резюме), разревелась и сказала, что она облажалась и Уилл ее бросил. Я спросила, что случилось, пытаюсь установить факты и дать разумный совет.

– Долгая история, – ответила она, как всегда говорила, если сама была виновата или не хотела ничего говорить, – просто поверь. Все кончено.

– Ну и ладно. Ты о нем забудешь и найдешь себе другого парня. Тебе еще и тридцати нет, времени полно.

– Обещаешь? – спросила она так быстро, что я даже задумалась, в самом ли деле она любила Уилла или просто очень хотела замуж. Может быть, ее устроил бы любой симпатичный парень в хороших шмотках.

Разумеется, я не могла предсказать ее судьбу – не более, чем судьбу Дэниела, – но все же я заверила ее, что все будет хорошо. В конце концов, вселенная нам с ней задолжала.

Через неделю я покорила мольбам Джози и прилетела в Атланту в ужасе перед возвращением домой. В суе Нью-Йоркской жизни я могла забыть о своем горе – там ничто не напоминало мне о брате. Здесь же горе было живо и свежо. Я глубоко вдохнула и постаралась собраться с силами. Эскалатор нес меня в зал выдачи багажа. К моему удивлению, там обнаружился Нолан. Он писал мне примерно раз в полгода, просто спрашивал, как дела, но я не видела его с того самого вечера, когда мы вместе поднимались в комнату Дэниела.

– Привет! – он помахал мне рукой.

Джози, которая иногда встречала его в барах, говорила, что он стал еще красивее, но я оказалась не готова к тому, насколько круто он теперь выглядел. На нем были джинсы, футболка и бейсболка университета Миссисипи.

– Что ты тут делаешь? – я почувствовала, что вся свечусь. – Меня папа должен был встретить.

– Знаю. Я утром играл с ним в гольф и сказал, что сам за тобой съезжу, – он взъерошил мне волосы, как будто мне было двенадцать. Хотя, когда мне было двенадцать, он этого никогда не делал. – Отлично выглядишь, Мер. Просто вау.

– И ты тоже. Я по тебе скучала.

– Я тоже скучал, – улыбнулся он и подхватил мою сумку.

По дороге мы разговорились. Он сказал, что все еще работает в семейной фирме, отец обучает его, чтобы передать ему бразды правления. Я рассказала про свою юридическую фирму и про то, какая это потогонка. Мы обсудили родителей – он жалел, что мои развелись, но считал, что его родителям стоит поступить так же. Мы посплетничали об общих знакомых. Многие уезжали учиться, но почти все вернулись в Атланту и завели семьи.

– Почему ты не женат? – спросила я. – Боишься близких отношений?

– Просто еще не встретил ту самую, – объяснил он, – а ты? Встречаешься с кем-то?

– Нет пока. Слишком много работы.

Проезжая мимо больницы Грэди, мы оба замолчали. Никто не произнес имени Дэниела, хотя оно словно витало в воздухе.

Когда мы доехали до перекрестка у Вест-Пейсес-Ферри, Нолан указал на «ОК-кафе».

– Помнишь, как мы сюда ходили? – спросил он, как будто мы ужинали вместе миллион раз.

– Конечно.

– Можешь поверить, что уже семь лет прошло? – тихо спросил он, глядя на дорогу.

– На самом деле нет, – у меня закололо в груди. – Он столько не увидел...

– Да. Многое изменилось. Ты изменилась... Странно, что я тебя ни разу не видел, когда ты приезжала домой, – он остановился на желтый свет, хотя легко мог проехать. Я подумала, что он пытается провести со мной побольше времени.

– Я редко бывала дома, – сказала я, думая о всех оправданиях, которые я выдумывала, чтобы остаться на работе или в университете.

Он покосился на меня и вдруг из грустного стал веселым.

– Маленькая студентка театральной школы стала рискованной юристкой из большого города.

– В моей работе нет ничего рискованного, – честно сказала я.

– С такими-то каблуками? – спросил Нолан, глядя на мои ноги. – Отличные туфли, кстати. И ножки тоже.

– Спасибо, – я улыбнулась.

– Знаешь... Я слышал, что ты... расцвела.

– Это кто тебе сказал? – комплимент мне понравился.

– Так, слухи ходят, – он покачал головой, – ты умная, успешная, красивая...

Я хотела сказать, что он путает настоящую красоту с навязчивым уходом за собой, компульсивными занятиями спортом и прочим наведением лоска, неизбежным на Манхэттене, но не стала.

Несколько минут спустя он подъехал к дому моего детства, где до сих пор жила мама. Машина Джози стояла рядом, и я предчувствовала долгую ночь разговоров о проблеме Уилла.

– Мередит, – сказал он, когда я выбиралась из машины.

Я посмотрела на него, почувствовав слабый отклик прежнего влечения и подросткового восхищения.

– Да, Нолан?

– Я понимаю, что ты приехала повидать семью... но я могу тебя куда-то пригласить, пока ты здесь?

– В «ОК-кафе» например? – спросила я озорно.

– Нет, на настоящее свидание, – он поерзал на сиденье. – Если ты думаешь, что Дэниел не возражал бы. Тогда он очень строго запрещал мне на вас заглядываться.

Я посмотрела ему в глаза, и у меня внутри что-то дрогнуло.

– Да, я помню. Но он имел в виду Джози, – улыбнулась я, потому что это ее мечтали пригласить куда-нибудь все друзья Дэниела, – и, кроме того... наверное, для нас он бы сделал исключение.

Я решила нашу судьбу, хотя тогда еще не знала этого.

Когда мы рассказываем «нашу историю», то начинаем отсюда, с того вечера, когда мы встретились в аэропорту и он подвез меня домой. Нолан всегда восхваляет мои туфли, а я смеюсь и говорю, что забыла положить в ручную кладь тапочки. Мы говорим, как здорово было увидеть друг друга, говорим, что мы мгновенно ощутили связь, что как будто бы не было всех этих лет.

Потом мы перескакиваем на наше первое свидание. Мы ходили в «Лобстер-бар», напились, потом поехали к нему, выпили еще вина, рухнули в его незастеленную кровать и занялись сексом. Если бы нам приходилось рассказывать и это, мы наверняка говорили бы, что все было предопределено. Но в реальности это просто вдруг случилось. Я была не из тех, кто любит одноразовый случайный секс, и, положив голову Нолану на плечо, ему это сказала.

– Ну, – он погладил меня по голове, – какой же это случайный секс, если мы всю жизнь знакомы? И, кроме того, почему это вдруг одноразовый?

Я рассмеялась, потом призналась, что раньше была в него влюблена. В том, что я почувствовала в комнате своего брата. Он сделал вид, что очень удивлен, но потом признался, что чувствовал нечто похожее.

Я откатилась вбок, приподнялась на локтях и посмотрела ему в глаза.

– Правда? – я не понимала, почему это так важно мне теперь, но хотела выяснить.

– Ага, – кивнул он, – меня страшно тянуло к тебе весь вечер.

– Из-за Дэниела? Или по другой причине?

Он задумался и сказал:

– Ну да, из-за Дэниела. Но не только. В конце концов, я же не с Джози лежу в постели.

– Нет. Точно нет.

Я не стала спрашивать, нравилась ли она ему, потому что не хотела слышать утвердительный ответ.

– Ты расскажешь ей о нас? – осторожно спросил он.

Я сказала, что это будет наш секрет.

– Ладно, – согласился он, – как хочешь.

Вечером воскресенья я вернулась в Нью-Йорк, не зная, увижу ли я Нолана снова. Может, еще через шесть лет. Но у него были другие планы, и уже через пять дней он позвонил в мою дверь в верхнем Ист-Сайде. Принес с собой дюжину алых роз. Любые мои возражения против романтических штампов разом разбились о его стиль и красоту.

– Я же сказал, что это не будет одноразовый секс! – провозгласил он.

Я рассмеялась:

– Откуда ты узнал, что я в городе?

– Решил рискнуть. Ты свободна?

Я покачала головой и сказала, что у меня свидание вслепую.

– Зачем тебе слепой? – поинтересовался Нолан.

Я снова засмеялась, и он велел мне «послать этого парня». Так я и сделала, и все выходные изображала гида для Нолана. Я не верила, что это в самом деле происходит. Но говорила себе, что в этом нет ничего особенного. У нас вовсе не отношения. Мы просто развлекаемся. Живем моментом. Нами движет сентиментальность.

Но мы довольно долго продолжали жить моментом, виделись каждые пару недель и скрывали это от моей семьи. Я не хотела давать матери надежды после того, что случилось у Джози с Уиллом. В глубине души я думала, что и сама не хочу ни на что надеяться, и запрещала себе думать, что мы можем стать нормальной парой. Я даже не была уверена, что хочу этого.

Даже после того как Нолан признался мне в любви на Рождество, и я ответила ему то же самое, и мы рассказали всем о своих отношениях на расстоянии, я ничего особо не ждала. Тихо напоминала себе, что мы любим друг друга, но не влюблены, и вообще, вряд ли это надолго. Я была для него слишком умна, а он для меня слишком красив. Я была интровертом, а он экстравертом. Я любила искусство, а он спорт. Я хотела жить в Нью-Йорке, а он не мог бросить семейный бизнес в Атланте. Наш разрыв был неизбежен. Просто вопрос времени.

А потом, пасмурным июльским воскресеньем, примерно через девять месяцев после первого свидания, мы с Ноланом гуляли по Честейн-парку и добрались до Уилкинс-Филд, где они с Дэниелом играли в бейсбол. Мы обошли все базы, сели на пустую скамейку запасных и смотрели на идеально ухоженное поле через забор. Начинались сумерки, солнце бросало золотые лучи на площадку, где Нолан обычно подавал.

– Это было самое любимое место Дэнни, – Нолан говорил скорее сам с собой, чем со мной.

– Знаю, – я пожалела о том, что вечно болтала с Джози на трибуне или ходила к ларьку за сосисками, а не смотрела на игру брата.

Нолан молча взял меня за руку и грустно и проникновенно посмотрел на меня. Я вдруг решила, что он хочет закончить наши отношения. В принципе, я сама думала об этом. Или хотя бы предчувствовала. Это был неплохой забег, мы отлично повеселились, но чего-то нам не хватало. И все равно мне было грустно. Я ненавижу, когда что-то заканчивается.

Собравшись, я прошептала:

– Давай дальше. Закончим с этим поскорее.

По крайней мере, так утверждает Нолан, и эту версию мы выбрали в качестве официальной.

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Ты разве не собираешься меня бросить? – спросила я.

Он рассмеялся.

– Нет, Мередит. Не собираюсь, – и тут он опустился на одно колено прямо у пыльной скамейки и задал вопрос, который я не ожидала услышать от него... или от кого-то другого.

Выйду ли я за него замуж? Сначала я подумала, что он шутит. Потом он протянул мне красивое сверкающее кольцо с бриллиантом. Я посмотрела на кольцо, потом на него и немного испугалась. На самом деле мне хотелось отказать. Или хотя бы взять время на раздумья. Но я ничего не сказала, просто прикусила губу, замотала головой и залилась слезами.

– Скажи что-нибудь, – нервно попросил Нолан.

– Я не могу...

Я имела в виду, что не могу выйти за него замуж, но прозвучало это так, как будто я не могла говорить. Поэтому он продолжил сбивчиво и искренне говорить. Сначала он сказал, как сильно меня любит. Что никогда не встречал другой такой девушки. Потом рассказал, что говорил с моими родителями, и они оба плакали, и мама назвала его своим новым сыном. Он говорил о том, сколько у нас общих воспоминаний. Что он и я – мы – были единственным светлым моментом со времени смерти Дэниела. Он сказал, что представляет моего брата здесь, и он его поддерживает, как столько раз бывало на этой скамейке.

И после упоминания брата мое «нет» или «может быть» превратилось в твердое «да», и – к добру или к худу – мое неопределенное будущее стало таким, какое я всегда представляла для своей сестры.

Помолвка была недолгой. Во-первых, я не хотела пышной свадьбы, а во-вторых, боялась, что, если мы затянем, один из нас обвинит другого в блефе, скажет, что мы знаем друг друга очень долго, но при этом слишком плохо, чтобы жениться.

Мы встречались меньше года, и все это время – на расстоянии, и вместе проводили скорее что-то вроде отпуска, так что нормальной повседневной жизни вдвоем у нас не было. Несмотря на тот ужас, через который мы прошли когда-то давно, наши отношения сами по себе не подвергались еще никаким испытаниям. Мы никогда не ссорились всерьез. Но я ни разу не сказала Нолану ничего из этого – полагаю, это уже о многом говорит.

Я вслух выразила свои страхи только однажды, в разговоре с Джози, когда они с мамой прилетели на выходные в Нью-Йорк помочь мне выбрать свадебное платье.

– Я не уверена, что должна была соглашаться, – выпалила я, стоя в нижнем белье в пафосной примерочной «Мика инатом» и глядя на свое кольцо. Продавщица как раз ушла за очередным платьем.

Этот поход мама пропустила – она лежала у меня в квартире с приступом мигрени.

– Выходить замуж? – удивилась сестра.

Я кивнула.

– Ты же шутишь?

– Нет, – тихо сказала я, – просто обдумываю вопрос.

Она нахмурилась, а потом заверила меня, что я просто трушу.

– По-моему, нет.

– Да ну, Мер, – она явно настроилась на одну из тех мотивационных речей, в которые верила сама, – ты выходишь замуж за Нолана Брэди. Он великолепен. Он богатый, веселый и очень красивый.

– Знаю, – я чувствовала себя жалкой и неблагодарной.

– Посмотри только на этот булыжник, – она взяла мою ладонь в свою.

– Ну да, – я посмотрела на кольцо, – только это... не для настоящей меня. И платья тоже.

– И что? Какая разница? Ты выходишь замуж за отличного парня. Тебе здесь неприятно? – сказала она тоном, которым обычно я с ней разговаривала.

Я вздохнула и попыталась объяснить.

– Просто... иногда мне кажется, что мы спешим. Что это кольцо – импульсивная покупка. Что я сама – импульсивная покупка.

– Да ну тебя. Вы же не просто в баре познакомились. Вы знакомы целую вечность. Всю жизнь.

– Да, но вот встречаемся мы не так долго... И я не хочу, чтобы он пожалел о своем решении.

– Глупость какая. Он тебя обожает. Боготворит.

– Может быть, – отозвалась я, потому что мне тоже казалось, что Нолан многим во мне восхищается. Он гордился моей карьерой и моим умом. Он всегда говорил, что я особенная. И так я себя с ним и чувствовала.

Я сделала глубокий вдох.

– Но любит ли он меня? Или мой образ?

– Твой образ? Ты не Джулия Робертс, какой еще образ.

– Не знаю, – меня бесило, что я даже сестре не могу объяснить, что чувствую.

Я понимала, что дело в Дэниеле. И причинах, по которым я сказала «да».

– Ты его любишь?

Я ответила, что люблю, потому что это была правда. Но я пыталась понять, чего мне не хватает. Я подумала о Льюисе – не в первый раз за прошедшие месяцы. С ним давно все было кончено, но я жалея о чувствах, которые к нему испытывала. Но потом я спрашивала себя: нужна ли такая страсть вообще, или она обязательно заканчивается? Я ничего не понимала.

– Понимаешь, Мередит, – спокойно сказала Джози, – ты ищешь чего-то, чего вообще не существует. Если ты бросишь Нолана, то будешь жалеть об этом вечно. Как я жалею об Уилле, – ее голос дрогнул, и она замолчала.

Она так и не рассказала мне подробностей их расставания и явно не собиралась этого делать, но я знала, что у Уилла уже начались другие серьезные отношения.

Я кивнула, потому что страх и сожаление всегда были для меня важными аргументами. Возможно, Джози права.

– Спасибо, – прошептала я.

– Пожалуйста, – она улыбнулась и обняла меня, – а теперь давай займемся делом.

Я обняла ее в ответ. Мне стало немного лучше. Тут продавщица внесла новое платье – с вышивкой и бисером на лифе.

– Красивое, – сказала Джози, – а тебе как?

– Какое-то вычурное.

– А ты померь, – настаивала она.

Я вздохнула и позволила им нацепить его на меня, застегнуть молнию и разложить шлейф.

– Вау, – сказала Джози, разворачивая меня к зеркалу.

Я посмотрела на свое отражение и не смогла сдержать улыбки.

- Видишь? А я говорила.
- Неплохо сидит? – спросила я.
- Оно идеально. И кольцо тоже. И Нолан. И твоя жизнь, сучка такая.
- Сама сучка, – улыбнулась я и решила, что пройду через все это.

И это случилось. И довольно быстро, всего за несколько месяцев. Я уволилась с работы, устроилась в юридическую фирму в Атланте и выкупила у мамы дом, в котором я выросла. Это был идеальный вариант, потому что дом был слишком велик для нее одной, но она очень хотела, чтобы он остался в семье. И вот прекрасным ясным осенним днем я стояла в церкви, где когда-то стоял гроб Дэниела, и давала брачные обеты его лучшему другу.

Глава седьмая. Джози

Наутро после моего последнего в жизни свидания звонит Пит. Я еще сплю, и он оставляет мне голосовое сообщение.

– Я много думал, – начинает он, не поздоровавшись, – ну, сколько вообще можно пере-думать за двенадцать часов, семь из которых ушли на сон... Так или иначе, я, в отличие от тебя, считаю, что химия может прийти со временем. Вообще, я могу вспомнить несколько примеров из кино и литературы, когда в начале отношений один из людей совершенно не заинтересован в другом... Но потом между ними появляются чувства.

Я улыбаюсь, слушая, и вдруг мне становится интересно. Не сам Пит, а то, куда он пойдет.

– Так что мне кажется, что стоит сделать еще попытку... Так, для проверки. Если ты вечером свободна, я как раз собираюсь на вечеринку на крыше. Было бы круто, если бы ты пошла со мной. Можешь привести подружку... Чтобы она меня строго оценила. Так что позвони.

Я слушаю сообщение еще раз, потом удаляю его. Слишком уж все это предсказуемо. Как будто из учебника по свиданиям. Мое внезапное безразличие и независимость, настоящие, не наигранные, сделали меня намного привлекательнее для мужчин.

Я немедленно перезваниваю Питу – бывшая продуманная я так бы никогда не сделала – и говорю:

– Ну и что за примеры из литературы и кино?

– Кто это? – он перекрикивает громкую музыку.

– Джози, – я подхватываю его сухой тон, – вчера мы были на свидании.

– А! Привет, Джози, – музыку он выключает.

– И что за примеры? – снова спрашиваю я. – И есть у тебя примеры из реальной жизни или только выдуманные?

– Лично расскажу. Вечером.

– Ты серьезно приглашаешь меня на свидание второй день подряд?

– Да, серьезно.

– Ты знаешь, что это типа из списка вещей, которые нельзя делать, если тебе кто-то нравится?

– А с чего ты взяла, что ты мне нравишься?

– Туше, – я ухмыляюсь в телефон.

– Ну так что? Как насчет вечеринки? Должно быть весело? Я слышал, что она устраивает шикарные вечеринки в стиле «Великого Гэтсби». Очень крутые.

Это описание кажется мне соблазнительным, но я решаю пошутить в ответ.

– А как мальчик из «Брайо» получил приглашение на такую шикарную вечеринку?

– Она порвала связку во время танцев, – признается он, – я лечил ей колено. Она сказала, что я могу привести друзей.

– Она, наверное, имела в виду мужчин. Ты ей понравился, думаю.

– Нет, там совсем другое. Ну так что, пошли?

Я сомневаюсь, но все же решаю не вступать снова на этот скользкий путь.

– Нет, – твердо говорю я.

– Да ладно. Нет? Ты даже ничего не придумаешь? Типа что у тебя другие планы?

Я смеюсь и говорю, что у меня на самом деле есть другие планы.

– Это какие? – спрашивает он, нарушая еще одно важное правило. Не задавать неудобных вопросов во время первого телефонного разговора.

– Останусь дома и буду читать про банки спермы, – говорю я.

Он смеется, но я не отвечаю. Тогда он спрашивает:

– Ты серьезно, что ли?

– Ну да, – говорю я, стараясь не думать о потенциальных хороших генах, которые могут ждать меня на крыше сегодня.

Эти ложные надежды всегда меня мотивировали. Заставляли выбираться куда-то каждые выходные. Всегда есть план – встретиться с кем-нибудь. Даже если заявлено, что будет девичник. Даже если вы один из тех людей, которые заявляют, что любят ходить в кино или ужинать в одиночестве. Даже если вы пытаетесь убедить себя, что просто хотите сходить на веселую вечеринку на крыше.

– Возвышенная цель, – говорит он, – держи меня в курсе.

– Тебе правда интересно?

– Да, немного.

Я вешаю трубку, не понимая, говорил ли он обо мне или моем проекте. Я подозреваю, что и о том, и о другом. И, честно говоря, это чувство взаимно. Но напоминаю себе, что слабая заинтересованность больше не для меня.

Как я и обещала, остаток дня я посвящаю исследованию рынка доноров. Делаю подробные заметки о врачах-репродуктологах и банках спермы в Атланте в линованном желтом блокноте, где я раньше отмечала интересные профили с Match.com (в том числе профиль Пита). Пока я читаю, делаю заметки и захожу в разные чаты, я чувствую себя все сильнее и свободнее. Моя мечта о браке умирает. Мне нужно только немного спермы и врач. Это непросто и недешево, но гораздо понятнее, чем искать «Единственного». А главное, это зависит только от меня.

Каждые несколько часов я ищу в доме или во дворе Гейба и рассказываю ему о моем новом опыте. Он внимательно, как всегда, слушает, но, кажется, смеется надо мной. Наконец мне удастся его заинтересовать – я наткнулась на сайт, где сидят люди, которые имеют какое-то отношение к искусственному оплодотворению. Доноры яйцеклеток и спермы, люди, зачатые при помощи донорского материала, суррогатные матери, настоящие родители.

– Если бы тебя родили от донора, ты бы чувствовал, что с твоей жизнью что-то не так? – спрашиваю я его, прочитав особенно неприятный рассказ девочки-подростка, которая ничего не знает о своем биологическом отце и теперь мучается, пытаясь понять, кто он. «Я никогда не прощу свою мать за это эгоистичное решение, которое навсегда оставило дыру в моей груди».

– Обычная девочка-подросток, – Гейб смотрит на меня через плечо.

Он вообще любит посидеть дома, и сегодня решил посмотреть «Телевизионные новости», один из своих любимых фильмов. Так что он ставит его на паузу и заканчивает ответ:

– Если бы она знала своего старика, то придумала бы другую причину ненавидеть мать.

– Может, – я обдумываю следующий вопрос, – то есть тебе не было бы грустно?

– Если бы я не знал своего биологического отца? – уточняет Гейб, который на самом деле не знаком со своим биологическим отцом. Он умер от рака простаты сразу после рождения Гейба. У него был только отчим, тихий вежливый профессор, за которого его мать вышла замуж, когда Гейбу было семь. Несколько лет Гейб звал его Стэном, но потом начал звать папой.

– Ты не знаешь своего настоящего отца, – объясняю я, пытаюсь понять разницу, – но ты знаешь, кто он был. Это не тайна.

– Но донор спермы тоже не обязательно тайна, – говорит он, – ты же сама сегодня говорила, что бывают разные варианты.

– Ну да, – соглашаюсь я, вспоминая историю девушки, которая связалась со своим биологическим отцом и единокровными братьями на «Фейсбуке». – Но тут возникают другие проблемы...

Гейб пожимает плечами, глядя на неподвижный экран, где замерший на сцене Уильям Херт начинает потеть, еще не попав под камеру.

– Проблемы есть у всех... Но ты – тот, кто ты есть.

Я моргаю.

– Ты о чем? Ты – тот, кто ты есть?

Он вздыхает.

– Предположим, я обнаружил, что зачат с использованием донорской спермы. Что я не сын человека, которого видел на старых фотографиях и чуть-чуть помню. Или, например, у моей мамы был роман с молочником, и я только что это узнал. Но я-то от этого не изменяюсь.

Я непонимающе смотрю на него.

– Это же просто одна клетка, – говорит он, – какая разница? Донорское сердце, донорская роговица, донорская почка?

– Большая разница, – отвечаю я, хотя мне хочется верить в его вариант, – роговица – это тебе не половина ДНК.

– Предположим, – соглашается он, – но это все равно ничего не меняет. Неважно, родился ли я от своего биологического отца или от донора... Меня вырастили мама и Стэн. Папа.

Я глубоко вздыхаю.

– А если я заведу ребенка от донора и никогда не выйду замуж? Что если у моего ребенка не будет вообще никакого отца?

– А это вообще третий вопрос. Это касается людей в твоей жизни, а не твоей... сущности. И это тоже возможно. Люди умирают. Уходят. Миллионы людей растут без отца или без матери. Так что, даже если ты не выйдешь замуж, у твоего ребенка будешь ты сама. И что?

– И что? – говорю я. – Это как-то невесело.

– А вообще не рождаться веселее?

Я киваю, когда он предлагает финальный вариант:

– Нужно просто быть самим собой.

Я смотрю на него, пытаюсь осознать обычную для него фразу, а он включает фильм, и в конце концов я переключаюсь на рассказ бабушки ребенка, которого ее дочь-лесбиянка завела от донора и воспитывает вместе с девушкой. Я убеждаю себя, что позитивных добрых историй с хорошим концом больше, чем грустных, особенно если все участники честны с самого начала. В конце концов, это все не так уж отличается от традиционных семей. Все мы беззащитны перед трагедиями, отчуждением, ложью и тайнами.

– Гейб?

– Да? – на этот раз он не останавливает фильм.

– Как ты думаешь, я сумасшедшая?

– Ты серьезно спрашиваешь? Или это такой буддистский коан? – он не отрывается от экрана.

– Меня правда это волнует, – я чувствую страх, который подтверждает мои опасения, – ты считаешь, что я сошла с ума.

– Ну да. Но не сильнее, чем обычно. И я уже говорил, что нужно быть собой.

Вечером, перед тем как лечь спать, я звоню Мередит, чтобы рассказать все сестре. Я сразу понимаю, что она в плохом настроении, как и всегда.

– Что не так? – спрашиваю я.

– Все в порядке.

– Ты какая-то злая.

– Нет.

– Ну ладно. Чем занималась сегодня?

– Постирала три раза. Сходила за продуктами. Забрала рубашки Нолана из химчистки, – голосом она подчеркивает, как мучительна эта рутина.

– И все?

– Ну... отвела Харпер в «Баклс».

– Она выбрала туфельки?

– Нет. Она устроила истерику из-за фиолетовых сандалий с блестками, и нам пришлось уйти.

Я смеюсь, и она добавляет ненужный комментарий:

– Мама говорит, что нет в жизни справедливости. Я, в отличие от тебя, никогда таких истерик не закатывала.

Устав от пикировки хорошей девочки с плохой, я вздыхаю, но все же откликаюсь:

– Это значит, что у меня ребенок будет идеальный?

Она не отвечает и даже не спрашивает, как дела у меня, хотя это просто-напросто невежливо. Вместо этого она сообщает, что встретила в магазине свою старую подругу Шону. Та покупала своему сыну первую пару обуви. Маленькие голубые кедки.

– И как она выглядит?

– Очень хорошо.

– Похудела после родов?

– Да. Стала стройнее, чем когда-либо.

– Слишком худая?

– Нет, не слишком.

– Она выглядит счастливой?

– Насколько это вообще возможно с младенцем, – отвечает Мередит.

– Обо мне она не спрашивала? – не надо было этого делать. Мередит вечно винит меня в том, что я думаю только о себе.

– Нет... Но она сказала, что вы уже несколько месяцев не разговаривали, – я слышу в ее голосе удовлетворение и снова злюсь и завидую, как всегда при упоминании Шоны, нашей единственной общей подруги.

– Ну, не месяцы. Но довольно долго.

– Она звала выпить...

– Втроем?

– Она говорила обо мне и Нолане. Вроде как двойное свидание. Но я уверена, что с тобой она тоже будет рада повидаться.

– Хорошо, – конечно, это мне за то, что я хотела поговорить с сестрой откровенно, – ладно, Мер. Давай, если тебе надо бежать...

– Если ты хочешь повесить трубку, так и скажи. Я тут при чем? – теперь она становится слишком откровенной.

– Ну ладно, – я стараюсь говорить весело, – мне пора.

Я вешаю трубку и злюсь на Мередит. И на Шону, которая дала Мередит такое оружие, пусть и случайно. Она одна знает всю нашу историю. Мы дружим с 1989 года, тогда Эберсолы переехали на соседнюю улицу. Шона была посередине между нами по возрасту, но оказалась очень умной и перескочила через класс. Ее мать работала на высокой должности в «Кока-коле» и перевезла свою семью из Шанхая. Она записала Шону в международную школу Атланты, чтобы та смогла и дальше говорить на мандаринском.

Это была только одна из черт, которые зачаровывали нас с Мередит. Еще у Шоны был огромный запас историй, и она много путешествовала (в отличие от большинства семей Бакхеда, которые если куда и выбирались, то на озеро Бертон, остров Си и Киау). Мы втроем ездили в велосипедные походы, строили крепости вдоль ручья за домом Шоны и играли в «Захват флага» вместе с другими детьми. Однажды мы посадили огорожок, а потом торговали базиликом и помидорами со старой тележки Дэниела. Я помню, что Шона выдвигала большинство идей, больше всех говорила и вообще развлекала нас с Мередит. Мы были ее публикой, она объединяла нас, склеивала вместе, и оглядываясь назад, я понимаю, что это был единственный период, когда наши с Мер отношения можно было назвать гармоничными.

В старших классах Шона превратилась из товарища по играм в бесстрашного исследователя и первопроходца. Первый пенис, который мы с Мередит увидели в жизни, был изображен на странице порножурнала, принадлежавшего ее родителям. Они хранили коллекцию просто в тумбочке, вместе с тубиком смазки «К-У» (зачем она нужна, Шона тоже описала очень подробно). Я до сих пор помню, как мы с сестрой умирали то от ужаса, то от восхищения, глядя на огромный кусок плоти, похожий на бледную колбасу, висевший между мускулистых бедер крепкого северного парня по имени Большой Джон. Мы затыкали себе рот и жмурились, потом тупо пялились, потом внимательно изучали анатомию. К безволосой мошонке крепился длинный ствол, который заканчивался розовой одноглазой головкой. Вскоре после этого Шона просветила нас на тему мастурбации, объясняла, какими способами она доставляет себе удовольствие и даже продемонстрировала движение двух пальцев по шелковым пижамным штанам. Для Шоны не существовало табуированных тем. Она с равной вероятностью могла бы исследовать спорный вопрос сама или прямо спросить у родителей. В чем разница между геями и трансгендерами? Как кто-то может возражать против аборт, если не считать аборт после инцеста или изнасилования? Если убивать детей плохо, их же плохо убивать в любых обстоятельствах? И так далее, и тому подобное.

В эти дни между детством и отрочеством Шона была не только нашей подругой и confidentкой, но и владельцем многих секретов, которые мы с Мередит яростно хранили. Нашим родителям, консервативным пресвитерианам и республиканцам, Эберсолы нравились, но они звали Шону «ненормальной», а ее родителей считали «либеральными» и «снисходительными». Я прекрасно помню, как побагровел папа, когда за ужином она заявила, что креационизм – «малограмотный миф, охотно принятый республиканскими штатами». Он тогда с трудом пробормотал, что Библия – точно не миф. Только Дэниел сумел его успокоить, переведя разговор на «теорию разумного начала», которая позволяет помирить христианство, дарвинизм и теорию эволюции. Дэниел любил Шону не меньше Нолана. С ними обоими было интересно.

Так или иначе, мы дружили втроем вплоть до того дня, когда мы с Шоной перешли в девятый класс. Она убедила родителей перевести ее в Ловетт-скул, где учились мы с Дэниелом.

Все было ясно, но Мередит яростно отрицала неизбежные изменения в наших отношениях. Ее чувства явно были ранены, и это беспокоило только меня и Шону. Она жаловалась маме с папой, что мы ее «бросили» и «разлюбили». Я настаивала, что это не так, просто у нас с Шоной больше общего. Мы учились в одном классе, в одной школе, ну ради бога. И вообще, у нас были разные интересы: Мередит обожала занудную фолк-музыку, а мы с Шоной танцевали под попсу и R&B. Мередит не разговаривала с парнями, а мы с Шоной ходили на свидания. Мередит считалась хорошей девочкой, а мы с Шоной не брезговали пивом и сигаретами. А однажды Мередит на нас наступала, и это был последний гвоздь в крышку ее гроба.

– И что? – спросила я у мамы, когда она решила поговорить со мной о «чувствах сестры».

Она сказала, что Мередит одиноко и что ей нужны я и Шона. Я возразила, что со временем разница в возрасте начинает значить больше и что старшеклассники не общаются с учениками средних классов. Мама возразила, что Шона соседка, а не школьная подруга. Я сказала: «Нет».

Со временем Мередит пережила это предательство и завела собственных друзей в Пейсе, в театре, но мне казалось, что это всегда ее мучило. Шона долго оставалась камнем преткновения. В глубине души я понимала, что веду себя равнодушно или даже зло. Оглядываясь назад, я понимаю, что конкурировала с сестрой.

Моя сестра, как и брат, была очень удачным ребенком. Не такая страшно умная, как Дэниел, конечно. Но она очень хорошо училась, никогда не попадала в истории, обладала актерским талантом и любила это дело. Мама и папа носились с ее пьесами и спектаклями так же, как с бейсболом Дэниела, а я была самым обычным ребенком, без всякого хобби, и спортом не занималась.

Наверное, неправильно было считать Шону своим трофеем, но я втайне радовалась, одержав над сестрой верх.

После школы мы с Шоной обе решили пойти в университет Джорджии. За первый год мы стали еще ближе, жили вместе, вступили в один и тот же клуб. Мы даже внешне были похожи, потому что носили похожую одежду и одинаковые прически – длинные, выбеленные, выпрямленные утюжком волосы. Некоторые нас даже путали или спрашивали, не близнецы ли мы. Мне это льстило.

На втором курсе Шона начала встречаться с Джейкобом Маршем, редкостным ублюдком. Я его не выносила и совершила страшную ошибку, сказав ей об этом. Такие чувства почти всегда бывают взаимными, и на этот раз получилось так же. Мы отдалились друг от друга, пока Шона наконец не пришла в себя и не бросила Джейкоба. А он выложил в интернет видео, где Шона мастурбировала под песню Мадонны «Justify My Love». За несколько часов его увидели все, причем не только в университете Джорджии, но и в Оберне, Алабаме и Миссисиппи. Ко всему прочему унижению ее еще и выгнали из «Альфа Дельта Пи» по обвинению в разврате. Мы попытались оспорить решение, утверждая, что видео распространилось не по ее вине, что оно снималось для личных целей. Но дамы в национальном офисе не дрогнули, и Шоне пришлось уехать из кампуса. В результате она перевелась в Государственный университет Джорджии, и мы отдалились еще сильнее. Почему-то я восприняла это как победу Мередит. Когда она услышала новости, не стала сочувствовать, а немедленно заявила, что «всегда знала, что Шона жуткая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.